

ДРУГИЕ
МИРЫ

Агата Бариста

ТРИ КОРОЛЕВСКИХ
СЛОВА

Annotation

Стоило ли рваться к независимости и спешить поступать в институт, если вместо развлечений пришлось работать, а начавшиеся отношения едва не закончились принесением меня в жертву?

Стоило! Это говорю вам я, Данимира Шергина, запертая из-за собственной наивности и глупости в чужом теле, в подпространстве с чудовищным монстром, без надежды выбраться обратно. Стоило, хотя на тот момент я была в отчаянии. Я просто не знала, что так начиналась моя история, в которой люди иногда являются чудовищами, а чудовища становятся людьми...

*Посвящается любимой сказке детства —
фильму «Три орешка для Золушки».
Спасибо!*

* * *

Если женщина заявляет, что она ведьма, то она, конечно же, таковою не является. Потому что настоящая ведьма не признается в этом ни за что в жизни. Ключевое слово здесь — «в жизни». Поэтому, когда я буду вынуждена объяснять некоторые обстоятельства своей истории тем, что я ведьма, придется учитывать тот факт, что я мертвая ведьма.

Ну, не совсем-совсем мертвая, но почти.

Так что, думаю, мне можно.

И теперь, когда отмечена эта маленькая тонкость, я начну.

А нет, еще не все.

Я собираюсь рассказывать свою историю старой седой крысе, которую сначала хотела съесть. Вернее, не то чтобы хотела в смысле «страстно желала», но некоторое время действительно обдумывала такую вероятность. А теперь я буду повествовать гипотетическому обеду, как я дошла до жизни такой.

Или вернее будет сказать «до смерти такой»?

Забавно.

И забавно, что мне все еще может быть забавно.

Наверное, я из тех людей, с которыми до конца остается не надежда, а ирония.

Мы беседуем, сидя между двумя зелеными мусорными контейнерами. Мне сложно говорить — даже на телепатической анималинзве, которая предполагает минимум физических усилий. Я смертельно устала, я хочу есть, пить и спать одновременно. Если бы не назойливое внимание крысы, я, наверное, прилегла бы на асфальт и скорей всего не встала бы уже никогда. Но крысе зачем-то надо знать всю мою подноготную, она толкает меня в грудь лапой с розовыми пальчиками, так похожими на человеческие, и командует:

— Не спи, ведьма Данимира, рассказывай. И торопись: если наши тебя заметят — полетят клочки по закоулочкам!

Голос у крысы хриловато-шершавый, чуть надтреснутый, как у старой актрисы МХАТовской закалки, и манера произносить слова — тоже театральная, с четким проговариванием каждой буквы.

— Пусть полетят, — соглашаюсь я и собираюсь провалиться в заманчивое небытие.

Крыса коротко закатывает глаза — блестящие бузинные бусинки.

— О, святые отбросы! Соберись же! Тебя что-то держит на этой стороне, иначе бы ты никогда сюда не попала. — Она смотрит, не мигая, и задает вопрос: — Ради кого?

— Снежинка, — говорю я.

Нормальный человек сказал бы «ради себя» или «ради семьи». Или любви. Или мира во всем мире. Или назвал бы еще какой-либо более значимый якорь. Но здесь нет нормального человека, есть только я, поэтому повторяю:

— Ради Снежинки.

Несколько секунд крыса смотрит на меня молча. Затем повторяет:

— Не спи, ведьма, говори, и, может быть, я помогу тебе.

— Зачем?

Действительно не могу понять.

— Я должна убедиться.

— А если не уверишься? — на мгновение оживляюсь я. — Ключки по закоулочкам, да?

Пальчики с острыми коготками снова тянутся к моей груди. Теперь я замечаю мерцающую полосу — браслет из рунного серебра обхватывает тонкую косточку запястья.

Кое-что проясняется.

— Ты крысиная ведьма!

Крыса снова мечет вверх-вниз глаза-бусинки и скупно усмехается левой половиной морды:

— Не отвлекайся, рассказывай.

— Не могу... Мысли ушли... нет мыслей... совсем... — объясняю я.

Крысиная ведьма недовольно передергивает усами, но спокойно произносит:

— Ладно, уж так и быть, сюда смотри. — Она вытягивается столбиком, разводит лапы в стороны и замирает на несколько секунд, как дирижер, который готовится к увертюре. Я даже слышу, как где-то начинает выводить нежный щемящий мотив невидимая флейточка, которая торопится сказать свое слово перед тем, как грянут литавры, и скрипки, и медь.

Крыса принимается плести воздушный колдовской сейд. Один пасс, другой, третий, четвертый... седьмой... пятнадцатый... Хрустальная паутина разворачивается с сердцевины — постепенно, по ломаной спирали; разрастается, захватывая пространство, прошивая его радужными иглами.

Прозрачная роза распускает лепестки в ущелье между мусорными контейнерами. Несколько раз ловкие пальчики смыкаются в резком движении. Я знаю этот прием — он называется «стенлер», мама часто его использует.

Слежу за ловкими отточенными движениями — и вскоре вижу, что тенета для концентрации внимания готовы.

Сеть дивно хороша. Она неуловимо посверкивает, колеблясь от энергетических потоков, которые, сплетаясь по воле безупречной волибы, удерживают друг друга в сложной четырехмерной структуре.

Я понимаю, что крысиная ведьма — большой мастер.

— Встречалась с твоей матерью в прошлом году. В Новгороде, на семинаре по сейду, — подтверждает мои догадки крыса. — Какая она, я знаю, теперь хочу посмотреть, какая ты. Не противься, я вытяну все сама, ты только слушай... Там, вдали...

Я вслушиваюсь. Мелодия соблазнительна, но еле слышна, почти неразличима, и я трогаюсь с места, чтобы приблизиться к ней.

Двигаюсь и чувствую, как расступается вязкая муть. Сначала легким пунктиром обозначаются контуры, они наполняются тенями и светом, превращаясь в живые картины;

прошлое клубится облаками и наплывает на будущее, и в этом смешении проступают образы настоящего. Фразы возникают одна за другой, исчезают и снова появляются, будто черный коготок подцепил нитку, и клубок воспоминаний, разматываясь, катится по тисовому лабиринту в поисках выхода — то скрываясь за поворотами, то вновь оказываясь на виду.

1

Я появилась на свет в Петербурге, но выросла в небольшом северном поселке. Родители, сами родом с Кольского полуострова, вернулись на родину сразу после завершения учебы. Отцу, блестяще окончившему Горный институт, предложили должность инженер-мага на Оленегорском Опытном, а маме, выпускнице Смольного, нашлось место при заводской библиотеке, где в зачарованном спецотделе хранилось немало старинных книг и манускриптов.

Детство мое можно смело назвать счастливым. Отец был умен, силен и в полной мере соответствовал понятию «настоящий мужчина», мать — добра и красива. Эти определения не значат, что мама уступала отцу в сообразительности, просто ее ум со временем преобразовался в такую душевную легкость и теплоту, что душа, казалось, разливалась вокруг нее нежным сиянием.

Погодные чары, издавна наложенные на местность, где стоял поселок, смягчали суровый климат. Магический подземный Гольфстрим в этих местах образовывал петлю и подходил близко к поверхности. Невысокие синие горы, поросшие смешанным лесом, защитным кольцом окружали долину с трех сторон. В горах хранилось заповедное озеро с кристально чистой водой, водились косули, зайцы, белки и прочее незлобивое зверье. Зимы были щедрыми на снег, а короткое полярное лето здесь преображалось — было жарким, томным, неспешным и всегда медлило с уходом. Осенью я мысленно оглядывалась назад, и в памяти дни лета казались нескончаемыми: безмятежное белое солнце неподвижно висело между двумя пологими вершинами; таинственные токи земли, пробужденные и плененные заклинаниями, лениво обходили долину по кругу, навевая покой всем... и смутные мечты — возможно, мне одной.

Школа в Оленегорске была общая. Магически одаренных детей насчитывалось всего двенадцать человек. Открывать для них отдельное учебное заведение не имело смысла. Поскольку все мы были разного возраста, не получилось создать и отдельный класс. Две мои лучшие подружки-одноклассницы не замечали магию так же, как при безветренной погоде не ощущают воздух вокруг, и это ничуть не мешало нашей дружбе.

Курс обязательного магического минимума нам читали факультативно, а большему (при желании и под свою ответственность) могли научить родители. Империя не была в восторге от школьников, бегающих по улицам с волшебными палочками. Серьезным вещам начинали обучать только в высших учебных заведениях, и попадали туда далеко не все.

Пока в целях безопасности нам разрешали оживлять магию только в присутствии взрослых, которые должны были позаботиться о том, чтобы тайное оставалось тайным. Например, мама обучала меня азам волшебства только в помещении библиотечного спецхрана, куда посторонние не могли попасть никоим образом.

Надо сказать, что на моей памяти запрет был нарушен всего один раз, когда Коля

Мальгин, сын Михаила Васильевича, термист-мага из оружейного цеха, не совладав с гневом, заклинанием поджег сухую березу за спортивным магазином.

Колька был талантлив. Береза пылала неопалимой купиной почти сутки, пока взрослые не справились с зачарованным пламенем.

Михаил Васильевич, тоже человек горячий — недаром он имел дело с огнем, — сначала хотел преподать паршивцу урок с помощью увесистого пука жгучей горной крапивы, но потом сообразил, что это будет непедагогично, поскольку продемонстрирует, что яблочко от яблони недалеко падает, поэтому попросту на полгода запретил сыну пользоваться компьютером. Коля на коленях умолял поменять компьютер на крапиву, но Михаил Васильевич почувствовал, что находится на верном пути, и на замену не согласился.

Мальгинская слабость аукнулась всем «особо одаренным». Нам пришлось по второму разу прослушать курс магического обществоведения. Присланный из Москвы ментор, специалист по подростковым правонарушениям, невыносимо нудным манером снова и снова напоминал, что Тихая Империя, в отличие от Адской Конфедерации, выбрала путь ассимиляции и интеграции, и этого пути мы должны придерживаться несмотря ни на что.

Нам еще раз напомнили, что чуть более трехсот лет назад в валлийском королевстве Гвинед произошел всемирный сбор магического сообщества. У подножия горы Сноудон раскинулся лагерь, и в течение семи исторических дней маги определяли будущее нашей планеты.

Вопрос, что называется, назрел.

В мире царил сверхъестественный хаос, волшебство применялось часто и грубо, порой по самым незначительным поводам. Население, доведенное до нервного срыва, ответило репрессиями и физическим уничтожением магически одаренных.

В результате недельных дебатов сообщество магов раскололось на две неравные части. Благоразумное большинство решило, что путь насильственного покорения человечества неэтичен и чреват всяческими кровавыми потрясениями. И кому, спрашивается, оно надо, когда кровавых потрясений у нас и так предостаточно, безо всякой магии.

Победили сторонники мягкого ухода в тень. Отныне волшебство для обычных людей оставалось только в сказках, мифах, на страницах книг и, позднее, на экране.

Все люди равны, но некоторые равнее... просто вы об этом никогда не узнаете.

Вскоре после Сноудонской встречи меньшинство, призывавшее к установлению колдовской диктатуры, все-таки попыталось эту самую диктатуру установить, но потерпело поражение. Папа говорил, что те события всегда напоминали ему гражданскую войну Севера и Юга — тот ее вариант, где проигравший Юг поднял из пыли поверженные знамена, забрал рабов, запасы хлопка, фамильное серебро, хлопнул дверью и гордо удалился осваивать соседние измерения.

Смутьяны, снобы, доминанты, короли азарта — они ушли, и каждый второй из ушедших был высшим ведьмаком, а каждый первый — хищником до мозга костей.

Еще папа говорил, что вместе с ними ушла злая, но дерзкая и горячая кровь. С легким таким сожалением говорил, как говорят о том, что отпуск закончился и пора выходить на работу, — вроде как жаль, но ничего с этим не поделаешь.

Так возникли Тихая Империя и Адская Конфедерация.

Порталы, ведущие в измерения под властью Конфедерации, были наглухо запечатаны, а новообразованная Тихая Империя, подобно лох-несскому ящеру, вильнула зубчатым хвостом и навсегда ушла в глубину.

Потребовались столетия, чтобы Империя превратилась в более-менее цивилизованную державу, объединяющую магов всей планеты. Теперь мы все, безусловно, были добропорядочными гражданами тех стран, где нам посчастливилось проживать. Мы платили налоги, мы соблюдали законы, и мы свели к минимуму поступление магии в немагический мир.

...Все это было уже пройдено, зачеты сданы, тетради с конспектами благополучно упрятаны подальше, но пылкий Колька подложил нам свинью.

Май.

Я сижу, подперев голову рукой, и с тоской наблюдаю, как солнечные зайчики мечутся по поверхности школьной доски — темно-зеленой, с мраморными меловыми разводами.

Кто-то играет на флейте. Почему-то мне кажется, что это неправильно. Флейта тут не к месту. Или флейта к месту, а я — нет. Но мне так досадно тратить время на повторение уже изученного, что я мысленно отмахиваюсь от чувства несуразности происходящего.

— Мы хранители, мы стражи! — вещает тем временем московский гость, лысоватый, зато с очень волосатыми руками Павел Викторович. — Мы стоим на границе и оберегаем невинных!

— Над пропастью во ржи, — вполголоса добавляет Илюша Одинцов, старшеклассник, который всегда садился рядом со мной на этих занятиях. Свой выбор Илюша объяснял тем, что я удивительно мало для девчонки говорю и правильно реагирую на его тонкий юмор. Спустя пару лет он стал добавлять, что и посмотреть на меня приятно, но это будет позже.

А сейчас я согласно хихикаю, разделяя ироническое отношение Илюши. Когда в доме собирались гости, папины сослуживцы с Завода или заезжие, за столом — под мамино домашнее вино из шикши — начинались жаркие споры обо всем на свете. Я, как и всякий порядочный ребенок, интенсивно грела уши, слоняясь поблизости, поэтому знала, что все обстоит далеко не так идиллически, как это обрисовывал столичный Павел Викторович.

Многие из тех, кто голосовал за мирный путь, не хотели афишировать наличие особых способностей, рассудив, что им и так будет неплохо. По сути, они не были такими уж гуманистами. Просто посчитали, что быть пастухом не так хлопотно, как волком. В немагическом мире волшебство — драгоценный товар, и Империя негласно, но весьма регулярно оказывала особые услуги тем, кто мог за это заплатить.

Нам, разумеется, излагалась официальная версия.

— И помните! Путь к хаосу может начаться с малого! Например, с бессмысленного поджигания деревьев! Это деяние только на первый взгляд кажется пустяковым...

И бла-бла-бла, и бла-бла-бла...

«Специально они, что ли, подбирают таких зануд?» — думаю я.

Мы сидим, уставившись в кривоватый, беспрестанно шевелящийся рот Павла Викторовича, и потихоньку соловеем.

Одинцов отрывает от тетрадного листка полоску бумаги, размашисто пишет: «Сегодня он поджег березу, а завтра магию продаст!», внизу изображает виселицу, на которой болтается человечек — ручки-ножки из палочек, и посылает записку Малыгину.

Тот читает и оглядывается на нас.

Мы синхронно показываем кулаки.

Колька покаянно роняет голову — догадывается, что над его головой сгущаются тучи.

Лекции мы были вынуждены прослушивать в течение двух месяцев по воскресеньям, с десяти утра и до полудня, и потеря этого золотого времени больно ударила по нашим

свободолюбивым сердцам.

Мало того, занятия проходили под прикрытием хорового кружка. Проходящие мимо слышали, как из окон звучит «Имангра-озеро, чаша царей», исполняемая нестройными, но чистыми детскими голосами. Если бы некто любопытный все-таки заглянул в окно, то увидел бы, как в классе, где парты сдвинуты к стенам, полукругом стоят ученики и старательно разевают рты.

Позор на весь поселок.

Единственное, что нас утешает, — после отъезда психолога морок должен развеяться вместе с памятью о хоровом кружке.

«...Мирный саам и суровый помор к водам твоим приходили в ненастье...» — я вдруг начинаю различать слова песни, хотя морок предназначен для прохожих и должен быть слышен только на улице. Тем не менее я слышу пение, и кажется, будто я сижу на длинных качелях, чья-то сильная рука раскачивает меня... вверх... вниз... вверх... вниз... и флейта вторит словам про «красную нерку и жемчуг речной»...

— Шергина! — издалека слышу я. — Данимира!

Одинцов шепчет:

— Данька, проснись! — и толкает меня в бок.

Я подскакиваю с места.

— Повторите, что я сейчас говорил.

Первый раз за все время Павел Викторович обращается ко мне прямо. А я-то уж было начала верить, что чаша сия меня минует.

— Э-э-э... Мы оплот?..

Кое-что я все-таки слышала сквозь дрему. Про оплот точно что-то говорилось.

Павел Викторович внимательно на меня смотрит.

— Оплот чего? — Он с интересом наклоняет голову.

— Э-э-э... стабильности и прогресса?

— Именно так, Данимира, именно так. Но хотелось бы услышать, какими именно способами наша Империя добивается гармонии столь различных по своей сути явлений, каковыми являются стабильность и прогресс.

Слова московского гостя катятся по поверхности моего разума, как рассыпанные пластмассовые бусины. Но и я не лыком шита. Я подбираю слова Павла Викторовича, нанизываю их на нитку в другом порядке и произношу в ответ такую же гладкую речь.

«Съел?» — думаю я. Все учителя говорят мне, что я способная.

— Прекрасно, Данимира, прекрасно, — удовлетворенно произносит Павел Викторович. — А теперь расскажите нам, что вы думаете о поступке вашего товарища Николая Малыгина.

Внезапно я чувствую острый приступ гнева. Я ощущаю, что безмерно устала от этого бессмысленного времяпровождения и что тоже с удовольствием что-нибудь бы подожгла. Колька, конечно, дурак, но мои мысли — это мое личное дело.

— Сегодня он поджег березу, а завтра магию продаст? — цитирую я записку Одинцова и тарашусь с честным выражением, хотя внутренне усмехаюсь.

Лицо у меня невинное и безмятежное, это я унаследовала от мамы. Только мама — на самом деле такая, светлейшая из ведьм, а насчет себя я не уверена.

Психолог задумчиво смотрит на меня, потом неожиданно усмехается и становится похожим на человека. Оказывается, кроме рта у Павла Викторовича есть глаза — серо-

зеленые, с пушистыми ресницами и со смешливой искоркой на дне зрачков.

«Это ведь он специально нудятину разводил, — вдруг догадываюсь я. — Чтоб запомнили на всю жизнь».

— Такое развитие событий намного вероятнее, чем вам кажется, Данимира Андреевна, — все так же усмехаясь, сообщает Павел Викторович. Из-за этой усмешки фраза звучит так, будто он отвечает на мои невысказанные слова. Может, он чтец мыслей? Редкая способность даже среди магов, но ведь встречается же.

Не успеваю обдумать эту возможность, как замечаю, что фигура передо мной размывается, серо-зеленые глаза бледнеют, остаются лишь зрачки, которые превращаются в блестящие черные бусинки на серой вытянутой морде.

— Ты завязла, — строго говорит морда голосом Павла Викторовича. — У тебя мало времени, двигайся дальше.

Странно. Раньше мне казалось, что дополнительные уроки по обществоведению — не лучшим образом проведенное время, а теперь не хочется уходить.

Здесь скучно, но безопасно, а там, куда мне придется идти, скверно.

Но что-то толкает меня в грудь, и я с сожалением покидаю и это место, и это время.

Двигаться.

Мне надо двигаться, надо догнать ускользящее, невозможное, унесенное ветром...

А вообще преподаватели по всем предметам у нас были замечательные — Завод следил за этим. И училась я без проблем. Если честно, мне даже в голову не приходило, что можно добровольно отказаться познавать что-то новое. Так что школу я закончила с золотой медалью, без помощи каких-либо сверхъестественных сил.

Я, как и мама когда-то, не отказалась от инициации ведьмовского статуса, но, положив руку на сердце, сделала это в предвкушении дополнительного бытового комфорта и всяких мелких радостей волшебства — кому ж не понравится быстро находить потерянные вещи, уметь объясняться с животными, птицами и книгами; у ведьм никогда не пригорает еда и не вянут комнатные растения. И еще — вот оно, ради чего стоит быть ведьмой! — можно приказать одежде разгладиться самой.

Бытовую магию Империя тоже не одобряла, но, чего греха таить, по мелочи жульничали все. Борьба с этим было невозможно, и власти смотрели на это сквозь пальцы.

Отец и мать обладали яркими магическими индивидуальностями и щедро делились своими знаниями со мной. В результате я умела гораздо больше, чем положено несовершеннолетней особе. Тем не менее об Академии Государственной магии мне никогда не мечталось, потому что тогда в процессе учебы пришлось бы совершать достаточно неприятные поступки, к которым у меня не было никакой склонности. Да и после окончания Академии ведьмы были обязаны отработать длительный срок на императорской службе. А я хотела так же, как и мама, закончить библиотечный факультет Смольного института, найти свою библиотеку, пустить в ней корни и тихо-мирно жить в согласии с самой собой и окружающими.

Родители никогда не настаивали на моем продвижении по магической лестнице. Напротив, смеясь, отец говорил, что в наше время встретить скромную ведьму — это неслыханная удача, а уж он такой счастливчик, что ему повезло дважды.

— Мы не скромные, мы ленивые, — отшучивалась мама. — Ты просто еще не видел, на что способны лентяи, если потыкать в них палочкой и заставить что-то делать. Да мы горы

свернем, лишь бы нас оставили в покое.

Мама была не только сильной ведьмой, но и мастером сейда, однако так и осталась хранителем маленькой заводской библиотеки в нашей зачарованной долине. Я в полной мере унаследовала от нее отсутствие амбиций.

Правда, надо отметить, что на мамином попечении оказались такие своеобразные экземпляры, что с ними справился бы далеко не каждый библиотекарь. Маме было чем гордиться.

Когда мне исполнилось семнадцать, надо мной нависла угроза в виде Имперского Реестра. Всех, достигших магического совершеннолетия, подвергали официальному испытанию. Если испытуемый показывал высокий магический потенциал, его имя попадало в Реестр. Это означало автоматическое направление на экзамены в Академию, карьеру в госструктурах и существенно повышало шансы приблизиться ко двору Императора.

На самом деле нависшей угрозой Реестр воспринимала только я. Все остальные считали его звездной лотереей, где каждый билет — выигрышный. Инспектора из Отборочной комиссии встречали как посланца небес.

Снова слышу флейту, и снова солнечно.

Апрель.

У нас семейный совет.

— Девчонкам там вообще нечего делать, — заявляет отец. — У академичек вечно руки по локоть в жабьей крови. Девочки должны чем-нибудь красивым и милым заниматься. Стихи писать, цветы выращивать. Что там еще у нас есть красивого и милого? Ландшафтный дизайн, моделирование одежды, этот, как его, скрапбукинг, прости господи... А лучше всего детей растить.

— Котов лелеять, — поддакивает манул Лева, мамин фамилляр. Вообще-то его зовут Левиафан, но в нашей семье он быстро превратился в Леву или Левонтия — в зависимости от поведения фамилляра. Манул избрал местом своего обитания заводскую библиотеку, но иногда достаивал визитами и наш дом. В гостиной для него поставлен небольшой диванчик, накрытый старым жаккардовым покрывалом с вытянутыми нитками, и сейчас он валяется на нем, свесив толстый хвост до самого пола.

— Ага. Крестиком вышивать — тоже хорошее занятие, — добавляет мама с серьезным лицом. И фыркает на папу: — Шовинист!

— Кто шовинист?! Я шовинист?! — Отец озадаченно чешет подбородок сквозь курчавую рыжую бороду. Потом вздыхает: — Ах, да... совсем забыл... да, я шовинист. Но чертовски обаятельный шовинист, и за это вы должны мне все прощать. Данька, поступай в университет, на физмат.

— Пап, ты чего? — тарашу я глаза. — Я физику и математику, конечно, знаю, но не особо люблю... это совершенно другая магия, не моя. И кем я работать-то буду? Сумасшедшим ученым?

— Какое «работать», ребенок? — веселится папа. — Там будет полно вумных мужиков, они тебя с руками оторвут. Замуж выйдешь, и пожалуйста: ландшафтный дизайн, скрапбукинг... моих вумных внуков воспитывать будешь.

— И котов, — добавляет Лева. — Моих внуков, они тоже не дураки будут.

Мама начинает сердиться.

— Андрей! Левонтий! Прекратите хохмить, не сбивайте ребенка с толку! Данечка, не слушай этих шутов гороховых, детка. Ты должна сама решить, куда тебе хочется поступать.

Папа вскидывает руки в примиряющем жесте.

— Все-все-все! Светлейшая Илария сердится, я в ужасе умолкаю.

Папа, согнувшись в почтительном поклоне, целует маме кончики пальцев.

Я отвожу глаза. Взгляды, которыми обмениваются родители, явно предназначены только для двоих. Однажды я попросила маму рассказать, как они с отцом познакомились, и мама отчего-то смутилась и погрузилась. Она вскользь обмолвилась, что «все было не так просто», что они с папой прошли долгий и сложный путь, и начало их отношений было омрачено какими-то темными обстоятельствами, в которые меня еще рано посвящать. Мне пришлось удовольствоваться обещанием, что мы вернемся к этой теме, когда я стану постарше.

Не представляю, что за тайны могут быть у моих родителей. По-моему, они до сих пор влюблены друг в друга, как в молодости...

Впрочем, мое романтическое воображение давно уже состряпало мелодраматическую историю, где юная мама «другому отдана» и собирается быть «век ему верна», но тут появляется отец (на белом коне, а как же!), и — после трагической сцены расставания с прежним женихом — мама падает в папины объятия. Ничего более темного я себе представить не могла.

...Откуда-то издалека доносится смешок, и шершавый голосок произносит:

— Вперед, ведьма Данимира, продолжай, а тайны никуда не денутся, сколько ни есть — все твои.

Я двигаюсь дальше.

— Мам, пап, — говорю я. — Если честно, то пусть у меня лучше руки по локоть в книгах будут, чем в жабьей крови. Я хочу быть библиотекарем, как мама. Ну не рождена я для доблести, для подвигов, для славы.

Мама с облегчением улыбается.

— Ну и слава богу! А то...

Папа кидает маме взгляд, который я бы назвала предостерегающим.

— В противном случае, зайка, для тебя учеба в Академии стала бы сущим наказанием, — поспешно говорит мама, но мне кажется, что она имела в виду что-то другое.

— Да знаю я. Поэтому и не хочу. А вот почему мне иногда кажется, что в нашем шкафу, как у каждой порядочной семьи, прячется парочка скелетов? — спрашиваю я саму себя вслух. — Это, наверное, потому что мои родители переглядываются, как адские шпионы из комиксов!

— А как жьш! — таращит глаза папа. — Как жьш без скелетов, доча? Мы тебе обязательно их покажем. Но только когда ты морально окрепнешь. А сейчас еще рано. Ты у нас пока нежная незабудка у лесного ручья. Вот и сиди пока у ручья и крепни. А мы еще скелетов поднакопим. А то стыдоба и позорище — что такое жалкая парочка скелетов для уважающего себя семейства?

Если бы кто-нибудь посторонний увидел, как отец общается с домочадцами, то, наверное, решил бы, что видит перед собой клоуна на досуге. И крепко бы ошибся. Дурачился он только с нами. Я бывала с папой на Заводе, и там отец превращался в другого человека — жесткого в общении, скупого на слова. И, в отличие от нас с мамой, честолюбием папа не был обделен. Сначала он перешел на должность главного инженер-мага (для непосвященных дополнение «маг», разумеется, отсутствовало), а спустя несколько лет владелец Завода, олигарх Владислав Ладыженский, назначил отца полномочным

директором Оленегорского Опытного. Ладыженский постоянно проживал в Мадриде, при дворе Императора, и вел там, по слухам, рассеянный образ жизни. Его решение поразило умудренных опытом старцев из Министерства магической обороны, к которому был приписан Завод. Министерство желало видеть на этой должности кого-нибудь седовласого и маститого.

До папы дошли слухи, что старцы неуважительно цыкали зубом и называли его, тридцатипятилетнего бородатого мужчину, «мальчишкой в коротких штанишках».

На свое первое заседание в Министерстве отец из принципа заявился в шортах.

— Они, как только увидели мои ноги, так сразу и попадали в обморок через одного. Я думаю, это от восхищения. Были поражены неземной красотой моих нижних конечностей, — с невозмутимым лицом рассказывал папа. — Оставшиеся в сознании немедленно согласились со всеми предложениями по модернизации Завода. — И укоризненно добавил: — А ты, Данька, из джинсов не вылезашь. Ой, напрасно!

В дальнейшем отец руководил Заводом столь успешно, что цыканье постепенно сошло на нет, а Ладыженский подтвердил аксиому, что олигархами просто так не становятся.

В середине июня мне исполнилось семнадцать, и к нам в дом прибыл инспектор Отборочной комиссии. Перед испытанием мама заварила в большом глиняном кувшине чай из сбора с оленьей травой. Этот настой, приготовленный по старинному семейному рецепту, обладал способностью на время ослаблять магические способности. Рецепт передала маме ее свекровь, моя бабушка по папиной линии. Она не получила в свое время высшего магического образования и всю жизнь прожила в деревне, но обладала несомненным талантом травницы. Как рассказывала мама, за ее настоями приезжали даже из соседних Финляндии и Норвегии.

Мне так не хотелось попадать в Реестр, что я могучим усилием воли осушила чуть ли не весь кувшин.

Мама тоже выпила кружку за компанию.

— Это чтоб было понятно, в кого ты такая слабенькая. А то папа у нас сама знаешь — орел! А я — так, библиотекарша, мне достаточно алфавит знать, чтобы правильно книжки расставлять.

Когда я вышла в гостиную, мне казалось, что все слышат, как плещутся во мне зеленые травяные волны — где-то в районе подбородка.

Инспектор оказался желтолицым крючконосым дядькой, сильно в возрасте, с холодным бесцветным взглядом и безразличным выражением лица. После небольшой светской беседы он слегка оттаял — оказалось, инспектор тоже закончил Горный, только значительно раньше. Отец предложил ему отобедать чем бог послал, инспектор любезно согласился. Дорога в наш поселок была долгой, и предложение отца оказалось кстати.

За обедом мужчины перемыли кости профессуре родного института и каким-то обнаружившимся совместным знакомым. Мы с мамой сидели и помалкивали, в мужские беседы не встречали и под столом держали друг друга за руку.

Я боролась с желанием булькнуть.

Наконец со светской частью было покончено, настало время испытания. Мама вывела меня на середину гостиной. Чувствовала я себя при этом неловко. За последние годы мой организм стремительно пошел в рост. Иногда, глядя в зеркало, я в сердцах обзывала себя «гадким цапленком». Теперь я не знала, куда деть руки и ноги, казавшиеся слишком длинными.

Инспектор приступил к делу, разом посуровев. С крепко сжатыми губами и нахмуренными бровями он активировал магический жезл и, переключая его на разные режимы, несколько раз прошелся вокруг меня. После каждого полного круга он останавливался и записывал показания в талмуд, на кожаной коричневой обложке которого красовались семь красных круглых печатей.

Вся процедура должна была занять не более получаса, мне же эти минуты показались вечностью.

После измерения уровня особых способностей инспектор еще крепче сжал губы и сочувственно посмотрел на отца, потом мельком взглянул на бледную от волнения маму. Мне показалось, что я без труда могла расшифровать его взгляды. Мол, как же так, у такого талантливого мага родилась эдакая бездарность; наверное, в мать пошла, пустышка.

Отец в ответ изобразил печальную физиономию, и я чуть не испортила все, издав нервный смешок. Инспектор вздрогнул, все человеческое вновь стерлось с его лица. Он перевел жезл в режим измерения магической амбициозности. Я внутренне расслабилась. Тут для низких результатов мне не требовалось ничего принимать. Я честно и искренне не желала участия в гонках по вертикали. И действительно, жезл изобразил какую-то вялую попытку засветиться, после чего угас и признаков жизни более не подавал.

Тест с жезлом оказался последним, теперь инспектор должен был объявить о том, что Реестра и Академии мне не видать как своих ушей. Я уставилась в пол и приготовилась пустить фальшивую горячую слезу по случаю этого прискорбного факта.

Вместо этого начало происходить нечто странное.

Инспектор уставился на свой жезл.

Время вдруг будто застыло, и все милые летние отзвуки, наполнявшие нашу гостиную, исчезли, утонули в ватном коконе: замолк веселый птичий щебет, летевший в распахнутое окно гостиной, утих шелест молодой листвы; белая полупрозрачная штора, качнувшаяся в сторону, так и не опустилась обратно, мертво застыв под неестественным углом.

Инспектор медленно, как бы против своей воли, протянул руку и пропустил светлые струи моих волос сквозь темные пальцы.

Я изумленно покосилась на эту руку, потом подняла взгляд. С лица инспектора смотрели невообразимо живые, с расширенными зрачками, мерцающие как драгоценные камни глаза, и в них плескалась такая горечь, что сердце вдруг тронул холодок какого-то тяжелого предчувствия.

Вид у императорского посланника стал, признаться, несколько безумным.

— Как жаль... ах, как жаль... — хрипло бормотал он, как во сне перебирая мои волосы.

Несмотря на то что все происходящее мне очень не нравилось, я стояла смирно, агнцем на заклании, потому что от неожиданности никак не могла собраться и взять в толк, входит ли происходящее в ритуал отбора в Реестр, или же что-то пошло не по плану. И только когда сухие жесткие пальцы так же медленно прошли по моей скуле и подбородку, я не выдержала и, мотнув головой, сделала шаг назад.

И сразу все закончилось. Кокон рассыпался, вернулись звуки, заколыхались занавеси. Инспектор отпрыгнул от меня, как черт от ладана. На его обтянутых пергаментом скулах проступили два красных пятна. Он схватился за книжку с семью печатями, что-то косо черкнул там и захлопнул тетрадь. Потом металлическим голосом зачитал стандартное извещение о том, что я не прошла испытание и отныне могу считаться среднестатистической единицей, не представляющей для Империи особого интереса.

Как я после поняла, последняя странная часть испытания оказалась сокрыта для всех. Родители ничего не заметили. Подул магический ветер, время сложилось как театральные занавесы, и в его складках исчезло несколько минут реальности.

Отец, продолжая следовать плану, печальным голосом сказал:

— Мы крайне сожалеем, что дочь оказалась настолько обделенной магической силой.

Придется найти учебное заведение поскромнее.

Инспектор посмотрел на пол, посмотрел на потолок — куда угодно, только не на нас.

Потом, будто на что-то решаясь, остро взглянул на отца и буркнул:

— Она не подошла не поэтому.

Некоторое время он еще побуравил отца многозначительным взглядом, затем прозвучало невнятное прощание. Быстрым шагом посланник направился к выходу.

Отец, нахмурившись, смотрел ему вслед.

Вечером мы, три жулика, обведшие вокруг пальца Империю и лично Государя Императора, отмечали мое избавление от Реестра.

Вначале пирушка выходила вовсе не такая беззаботная, как предполагалось. Отец был рассеян и задумчив. Глядя на него, тревожилась и мама. К середине ужина папа встряхнулся, произнес досадливо: «Да ну его в болото... волков бояться — в лес не ходить», — вышел и вернулся с запотевшей бутылкой шампанского.

Шампанское я пробовала в первый раз, и оно мне ужасно понравилось. Вино было ледяным, бледно-розовым, пузырьки веселящего газа тоненькими извилистыми жемчужными ниточками поднимались к поверхности... Нам все-таки удалось развеселиться, и этот вечер запомнился мне как один из самых чудесных. Впереди была свобода, горизонт был безоблачен, а странное поведение имперского чиновника я внятно описать не могла. Чего ему там могло быть «так жаль»? Может, по каким-то неведомым причинам он решил, что я могла бы попасть в Реестр, и был страшно потрясен, когда оказалось, что кандидатка в магическом смысле тупа как пробка?.. Интуитивно я чувствовала, что моя теория шатка, но зато она давала хоть какое-то объяснение. Поэтому я отправила воспоминания об этом происшествии в дальние закоулки памяти и не стала никому ничего рассказывать.

— Ах ты, глупенькая божья коровка, — комментирует чей-то скрипучий голос. — Это он ведь смерть твою увидел.

— Почему же он не предупредил папу? — вяло возмущаюсь я.

— Семь магических печатей налагаются на тетрадь, и последняя, восьмая, — на язык квалификаitora. Он ничего не мог сказать. Тебе самой бы не молчать... Да что уж теперь, что не сделано — то не сделано, двигайся дальше, ведьма Данимира.

Мелодия снова зовет меня, и я послушно ускользаю вслед за ней.

На следующий день отец начал обучать меня боевой магии.

— На всякий случай. Мало ли что, — туманно прокомментировал свое решение папа. — Всего предугадать нельзя, но вот соломки подстелить, — он подмигнул, — можно. Я тебе покажу несколько фокусов-покусов... из разных областей магии... кое-что, между прочим, будет адскими штучками, поэтому предупреждаю: своими знаниями ты ни с кем не делишься.

— За кого ты меня принимаешь, пап? — обиделась я. — Я не трепло!

Папа виновато вздохнул.

— Да знаю, знаю. Ты у нас, Данимира Андреевна, кремень и вообще девушка разумная. Это я так, напомнил в целях профилактики.

За месяц, оставшийся до моего отъезда в Петербург, многому научиться было невозможно, но отец показал мне несколько действенных приемов, а я все быстро схватывала. Во всяком случае, теперь мне не надо было носить в сумочке баллончик, ведь заклинания могут оказаться посильнее жгучего перца.

Летние деньки пролетели быстро, и вскоре я уехала поступать в Смольный институт.

2

Еще до поступления отец купил мне небольшую квартиру на Петроградском острове, в Малом переулке неподалеку от Тучкова моста.

— Может, еще ничего не выйдет. Вдруг я провалюсь? Но если все будет хорошо, то я хотела бы жить в общежитии, как все нормальные студенты, — заявила я, узнав об этом. — Там весело. Я читала. И смотрела.

— Поверь, дорогая, — мягко сказала мама, — жить в общежитии далеко не так привлекательно, как тебе кажется. Я одно время жила в общежитии, пока мы с Андреем квартиру не сняли. И мне не понравилось. Нет, терпимо, конечно, но один общий душ в конце коридора чего стоит! И потом, ведьмы... они же разные. Иногда, знаешь ли, такие попадают... Была одна там такая, «с Ростова»... — Мама передернула плечами. Было видно, что ведьма «с Ростова» связана у нее с самыми неприятными воспоминаниями. — А что касается поступления, то тут, детка, я совершенно в тебе уверена.

Мама подумала и осторожно добавила:

— Я даже думаю, что тебе не стоит показывать все свои знания и умения. Все-таки мы с папой, обучая тебя, иногда увлекались. Возможно, кое-что было... э-э-э... несвоевременным...

— И ты туда же. Мам, я не хвастливая, — заверила я ее.

— Это я так, на всякий случай решила напомнить. На хвастовство, знаешь ли, любого может повести. А про общежитие, серьезно, лучше не думай. Ты у нас девочка домашняя, тебе там будет тяжело.

Я все равно продолжала упираться и требовать равноправия. Вслух я этого не произносила, но в памяти всплывали завлекательные сценки из телевизионного сериала «Общага», который я иногда посматривала, когда ужинала на кухне. Каждый день в общегае был до краев заполнен веселыми приключениями и романтическими историями. Мне очень хотелось вести такой же образ жизни.

Тогда мама напомнила, что в общежитии запрещено содержать домашних животных, и для кошек исключения не делалось. Если какая-нибудь ведьма не желала расставаться со своим фамильяром, то ей следовало поместить его в приют для магических животных при институте.

Приют был обустроен вполне цивилизованно, даже с некоторым шиком, но представить мою милую Снежинку день-деньской просиживающей в клетке, пусть даже и очень просторной, я не смогла и сдалась.

Снежинка была чистокровной кошечкой-британочкой, с белоснежной плюшевой шубкой, круглой хорошенькой мордочкой и яркими, вечно удивленными оранжевыми глазами. Я сама выбрала ее в знаменитом на всю страну питомнике «Верный фамильяр». Туда меня привезли родители, но сами в питомник не пошли, даже на территорию въезжать

не стали, а припарковались на стоянке у ворот и остались ждать меня в машине.

Мама сказала:

— Мы с тобой не пойдем, Данечка, чтобы не сбить настройку. Не волнуйся и не торопись, выбирай хорошенько. Если возникнут вопросы — не стесняйся, обращай к Марлене Павловне.

Марлена Павловна — хозяйка питомника, элегантная, ухоженная, похожая на кинозвезду прошлого века, — стояла за воротами и поджидала меня. Она была одета в серый брючный костюм и держала в откинутой руке незажженную сигарету, вставленную в тонкий костяной мундштук.

— И помни: это на всю жизнь, — добавил папа. — Подумай как следует. Выбери себе какого-нибудь такого... крутого пацана... рыжего, с разодранным ухом, — не пожалеешь!

Мы с мамой развеселились, глядя на папу, — на его волосы с отчетливой рыжиной, на мочку левого уха, почти раздвоенную старым шрамом.

Когда я вошла в вольер, я все еще улыбалась.

Стая разноцветных котят бросилась мне под ноги, телепатически пища: «Выбери меня, ведьма Данимира, выбери меня!»

— Ты им понравилась, — заметила Марлена Павловна. — Запрыгали, завертелись, разбойники!

Котята кружились у ног, выгибая спинки и привставая на задние лапки. Каждый норовил дотронуться до меня, чтобы я почувствовала его силу и магический потенциал. Я растерялась — они были хороши, каждый по-своему, — хитрые рыжие, отважные полосатые, загадочные черные, забавные пятнистые. Мне хотелось схватить в охапку всех сразу и обниматься с ними, пока не наступит смерть от передозировки эндорфинами. А потом я увидела толстенького беленького котенка — единственного белого из всех, который предпринимал отчаянные попытки проникнуть в эту писклявую толпу, но всякий раз его выкидывали обратно. После очередной неудачной попытки белый котенок шлепался на задик и сидел в стороне, изумленно глядя на собратьев, словно не понимал, как можно быть *такими*. Потом он собирался с духом и предпринимал очередную попытку.

Словом, это был не особо удалой и не самый ловкий котенок. Марлена Павловна даже пыталась отговорить меня. Белый окрас слыл неподходящим для фамильяров и считался чуть ли не браком. К тому же, как я потом узнала, Снежинка провалила предварительное тестирование — никак не могла сосредоточиться, все время отвлекалась. Такой котенок мог нанести урон репутации «Верного фамильяра». Снежинку должны были лишить магических способностей с формулировкой «за чрезмерное легкомыслие» и продать как обычную кошку.

Но тут я уперлась.

Только этот котенок.

В общем-то, нельзя сказать, что я поступила здраво, сразу же остановив свой выбор на Снежинке. Наверное, среди этих котят были более одаренные, да и считалось, что ведьме лучше заводить кота, а не кошку.

Но я выбрала сердцем, полюбив Снежинку с первого взгляда.

Чтобы разом прекратить бесполезные уговоры, я сделала осторожный шаг, нагнулась, подхватила белоснежный комочек и прижала его к себе. Котенок распластался у меня на груди, как морская звездочка, и громко затарахтел. Процесс привязки фамильяра к ведьме-хозяйке начался сразу же.

Марлена Павловна приподняла тонко выщипанные брови.

— Ну и скорость! Первый раз такое вижу... Может, еще выйдет из кошурки порядочный фамильяр.

Когда я появилась перед родителями, папа сказал, не спрашивая, а скорее утвердительно:

— Небось девчонку выбрала.

— Смотри, как она на Даню похожа, тоже белая и пушистая, — сказала мама. — Хорошо, что Лева мой в библиотеке живет. А то лишился бы сна и покоя.

Я представила себе зверскую рожу манула Левы, лишившегося сна и покоя, и покрепче прижала к себе Снежинку.

— Да уж! Лева пока пусть держится подальше.

— О господи, еще одна блондинка в доме! — папа закатил глаза в притворном ужасе. — А бедные, бедные рыжие котяры остаются, значица, в пролете... — и он горестно всхлипнул.

— Ну, один рыжий котяра в пролете явно не остался, — мурлыкнула мама, запуская пальцы в папину шевелюру.

Нет, не представляю, что там за сложности могли быть у этих двоих...

— У тебя самой сложности, не находишь? — осведомляется хриплый голосок, доносящийся непонятно откуда. — Иди дальше.

Флейта настойчиво тянет меня за собой, но мне так хочется остаться!

— Дальше! — требует голос, и я подчиняюсь.

Конечно, никаких приютов.

— Ладно, — говорю я маме. — Ради Снежинки я могу пожить хоть в «Астории».

— Ну что ты, детка, — улыбается она в ответ. — Мы никогда не поступили бы с тобой так жестоко.

...Флейта торопит, и я покидаю место, где судьба свела Снежинку со мной, доверчивой дурочкой, погубившей себя и своего фамильяра.

Мое новое жилище располагалось под самой крышей, на последнем, четвертом этаже неказистого серого здания. Зато дом напротив был очень красив — особняк с фасадом цвета старой розы, весь в белых картушах, завитушках, пилястрах и прочих украшениях, и им можно было любоваться из окон просторной комнаты.

Кроме самой комнаты, все в квартире было миниатюрное — тесная прихожая, такой же маленький санузел, в котором даже не поместилась ванна — вместо нее встроили душевую кабину. Наверное, эта квартира когда-то была частью больших апартаментов, но потом кто-то предприимчивый произвел перепланировку, чтобы получилось отдельное жилище, оборудованное собственным входом и удобствами.

У игрушечной кухоньки был такой же игрушечный балкончик, на котором от прежних жильцов осталась табуретка, заляпанная краской, и пара цветочных горшков. В горшках самостоятельно взошли и даже бодро зацвели желтыми крестиками какие-то сорные травы, выглядевшие, впрочем, довольно мило. Я решила их оставить. В конце концов, они поселились здесь раньше меня.

— Планировка не очень удобная. Но это хорошее место. Здесь внизу, под фундаментом, находится природный источник магии, — извиняясь, объяснил свой выбор папа. — Хотелось бы, конечно, устроить тебя пониже — чем ближе к источнику, тем лучше, — но продавалась только эта квартира. Мы с Ларой поработаем и настроим тебя на источник. Сможешь воспользоваться этой силой, если... э-э-э... почувствуешь слабость.

— Почувствую слабость? — переспросила я.

— Ну мало ли, — неопределенно ответил папа. — Можешь заболеть, например. Это тебе не Оленегорск. Тут, в большом городе, все друг у друга на головах сидят. Бациллы так и шастают. Одно метро чего стоит. Один человек чихнул — десять с гриппом свалилось. Не дай бог, конечно, но на всякий случай помни — у тебя есть источник. И я заговорю вход в подъезд. Желаящий тебе зла не сможет переступить порог. Не приглашай войти дурных людей — и они не войдут.

Я хмыкнула.

— Да кому я нужна, чтобы желать мне зла?

Папа неопределенно повел плечами и повторил:

— На всякий случай.

— А еще неподалеку Тучков мост, — добавила мама. — Это тоже замечательно.

— И что Тучков мост?

— Ну как же! Мост через текучую воду. Будут неприятности, настроение плохое, хандра-печаль — медленно переиди по нему на Васильевский остров, может помочь. Только торопиться нельзя — иди медленно и глядя на воду. Если неприятности будут конкретные — гляди на воду, уходящую под мост. Если просто хандра на пустом месте — смотри на то, как вода выходит из-под моста.

— Надеюсь, у меня не будет конкретных неприятностей. А на пустом месте я вообще не грущу.

— А если перейдешь дважды, — добавил папа, — с Петроградской на Васильевский, потом сразу обратно, только по другой стороне, не по той же самой, то враги потеряют твой след. Не навсегда, но на некоторое время точно.

— Хороший мост, чтобы сбить со следа, — подтвердила мама.

Я моргнула.

Посмотрела на родителей.

Лица у них были абсолютно серьезные.

— Хороший мост, чтобы сбить со следа?

— Ну да. Очень хороший. Там под водой не просто источник. Там портал. Наткнулись в середине прошлого века, когда строили мост. Портал запечатан, но что-то, видно, просачивается, — пояснила мама. — Лучше тебе знать. На всякий случай.

Тогда я мельком подумала, что в последнее время мама и папа постоянно поминают «всякий случай». Потом я представила, что у меня есть дочь, которую придется оставить одну-одинешеньку в чужом городе, и поняла, что мне тоже было бы страшно.

Родители провели в подвале дома мудреный и не особо приятный ритуал, во время которого мне пришлось пожертвовать примерно с коньячную рюмку своей крови. Кровь быстро впиталась в песок, покрывавший пол подвала, не оставив следа, и ранка на запястье затянулась так же быстро. Папа обрадовался и сказал, что это очень хорошо — настройка прошла успешно.

Еще отец пообещал через год, на восемнадцатилетие, подарить мне машину. А пока велел привыкать к ритму большого города, ближе к весне устроиться на курсы вождения, чтобы сдать на права, а также походить по салонам и автомобильным сайтам и определиться с моделью авто. Водить я и так умела, но здешних дорог побаивалась. Наш поселок находился в отдалении от цивилизации, без машины было никуда, и водить учили с подросткового возраста. Но жизнь в Оленегорске текла размеренно и тихо, все прекрасно

знали друг друга. Доброжелательность и предупредительность автовладельцев были нормой. Здесь же все оказалось не так. Я даже решила повременить с покупкой велосипеда. Мне действительно требовалось привыкнуть к большому городу,

Потом отец уехал — дела призывали его на Завод, а мама осталась до моего поступления — она взяла отпуск на это время. Мы успели несколько раз погулять по обожаемому Эрмитажу и по старому городу, посетили несколько театральных постановок, посидели в любимых заведениях и открыли для себя новые, не менее занятные. Неподалеку от моего нового жилища обнаружился грузинский ресторанчик, где готовили вкуснейшие хачапури, — там мы отметили мое успешное поступление в Смольный.

Поступить оказалось несложно. Особенно легко прошел экзамен по магическому обществоведению, на котором я изрядно повеселилась. Я практически без подготовки отбарабанила покурри из речей незабвенного Павла Викторовича, в точности копируя даже его интонации, и, разумеется, получила твердую пятерку.

Впрочем, я и остальные предметы сдала на «отлично».

На следующий день после последнего экзамена уехала и мама. На прощание она взяла с меня страшную клятву, что я буду есть горячее минимум два раза в сутки, не забывая про витамины и продукты, содержащие кальций, и буду звонить домой хотя бы раз в три дня. А в идеале звонить надо было три раза в день, сразу же после приема здоровой и полезной пищи.

— Мам, я не дам себе засохнуть, не волнуйся. Я уже большая.

— Ага, — сказала мама. — Помню я себя в твои годы. Однажды месяц на китайской лапше из пакетов сидела. Не хотела на общую кухню выходить. Кожу себе испортила и волосы. Потом полгода в магической вуали ходила, пока в норму не пришла.

Я с сомнением посмотрела на маму. Кожа у нее была сияющей и полупрозрачной, идеально прямые белоснежные волосы струились шелковым водопадом, ярко-зеленые глаза искрились из-под ровных соболиных бровей.

Мамино изображение можно было смело помещать в книжку про Снежную королеву. Она просто не могла выглядеть ужасно. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

А я, хоть и была, как все говорили, копией матери, раскраску унаследовала от папы — серый цвет глаз и бежевые крапинки веснушек. Мои светлые волосы имели папин рыжеватый оттенок и вились крутыми кольцами. Приходилось прибегать к помощи круглой щетки и фена (а в дождливую погоду — и к изрядной толике магии), чтобы они становились прямыми. Мучилась я с волосами страшно. Помню, в двенадцать лет в сердцах обкромсала сама себя хозяйственными ножницами и тут же превратилась в сущий одуванчик — пушистый шар на тонкой ножке. Больше я таких экспериментов не проводила.

Я вздохнула.

— Я другая, мам. Я себе китайскую лапшу позволить не могу. Волосы у меня папины, веснушки у меня папины, глазки у меня тоже папины...

— Чем тебе не нравятся папины глазки? — изумилась мама.

— Прекрасные глазки. Я ими хорошо вижу. Но они серые.

Мама засмеялась.

— Они серебристо-голубые!

— Это они на папе серебристо-голубые, — мрачно сказала я. — А на мне серые.

Мама снова засмеялась.

— Ну-ну, не буду убеждать, что ты у нас красотуля. Видимо, надо, чтобы тебе об этом

сказал кто-то другой.

— Видимо, этот «кто-то» будет очень добрым человеком. Но я не унываю, мам. Все-таки камнями в меня на улице не бросаются и на здоровье я не жалуюсь.

Тут мама откинулась на спинку дивана и захохотала так, что Снежинка, спавшая у меня на коленях, подняла голову и недовольно мявкнула. Отсмеявшись, мама сказала, что обычно к таким словам добавляют «...и пенсия у меня хорошая».

Когда мама уехала, я немного загрустила, хотя и сама настояла на том, чтобы провести время, оставшееся до начала учебного года, в Петербурге.

Блиzkих знакомых у меня в городе пока не было.

На вступительных экзаменах я успела подружиться с чудесной Женей Журавлевой. Женька была родом с Урала и, как и я, жила в поселке, образовавшемся при магическом производстве. На почве схожести жизненных обстоятельств мы обе сразу же почувствовали несомненную духовную общность. Женька, личность практическая, крепко стоящая на земле, казалась взрослее меня. Она сразу приняла меня под крыло. Но до сентября она укатила на малую родину, и мне оставалось только ждать начала занятий.

Родители, конечно, снабдили меня телефонами и адресами своих знакомых, но это был запасной вариант на тот случай, если бы вдруг возникли некие непредвиденные обстоятельства.

Оленегорские подружки тоже покинули долину, но отправились в другие города. Оля Шубина поступила в Петрозаводскую консерваторию и уже выложила на своей страничке в сети фотографии, где она, счастливая, широко улыбаясь, сидит на скамье у входа в консерваторию в обнимку со знаменитым памятником — бронзовым Глазуновым. Марина Петренко уехала в Мурманск, успешно сдала экзамены и поступила на факультет логистики мурманского филиала «Макаровки».

Общались мы в основном по вечерам в интернете, переписка немного скрашивала мое петербургское одиночество, но все-таки это было не то. Прежде я никогда не жила совсем одна и поэтому чувствовала себя немного потерявшейся во времени и пространстве.

Погода в том августе стояла великолепная — золото на голубом в обрамлении зеленого. С утра я покидала дом и пускалась в странствия. Я исходила свой остров вдоль и поперек, изучила каждую улочку, каждый переулок, каждый двор, заросший лопухами. (Лопухи беззаботно произрастали на кучах битых кирпичей и прочего строительного мусора. Эти кучи почему-то украшали каждый второй двор, в который меня заносили ноги.)

Несколько раз я прошла и по Тучкову мосту — просто так, без особых причин. Мне и в самом деле показалось, будто я что-то почувствовала. Будто бы там, под мостом, под сверкающей сеткой волн, под холодной зеленоватой толщей, наполовину зарывшись в песок, лежит кто-то могучий, но плененный — космический кит, пригвожденный к месту магическим гарпуном; лежит, и ворочается, и вздыхает, и грезит снами о невероятных просторах, которые не видал никто из живущих на этой земле.

«Бедолага», — думала я каждый раз, шагая по мосту.

Из-за повышенной чувствительности к магии мне всегда чудилось, что реальность вокруг меня неясна и размыта. Воображать нечто, возможно, несуществующее было легко. Я по собственной прихоти наполняла окружающее пространство призраками и фантазиями.

Порою со мной пытались познакомиться на улице или в кафе — видимо, что-то в моем облике говорило о празднотании и массе свободного времени, — но в этом мне не так

везло, как с погодой. Молодые люди попадались какие-то неинтересные, цель знакомства была до зевоты предсказуема, и общение начинало тяготить меня уже через полчаса. Вскоре я изобрела собственный метод тестирования поклонников. Когда очередной новый знакомец начинал плавно подводить нашу беседу к тому, что неплохо было бы отправиться к нему домой, или на квартиру к другу, или еще под какую-нибудь крышу с четырьмя стенами с целью познакомиться поближе, я с радостной улыбкой предлагала:

— А давай лучше в Эрмитаж!

Я была бы искренне рада обрести друга, с которым можно было бы посещать Эрмитаж и прочие интересные места. А там бы уж стало видно, превратится дружба во что-то большее или нет. Не понимаю почему, но абсолютно нормальное и достаточно интересное — с моей точки зрения — предложение почти всегда действовало на парней как приглашение посетить общественный туалет на Московском вокзале.

— Куда??! — переспрашивали они с ужасом, и сквозь дружелюбные улыбки начинало проступать недоумение пополам с раздражением.

— Тогда в Этнографический, — выдвигала я альтернативу. — Туда сейчас привезли чудесную коллекцию бумерангов из Австралийского музея.

Однажды меня бросили в кафе расплачиваться за свой и чужой кофе с пирожными, как раз после упоминания чего-то в этом роде.

Этот случай заставил меня призадуматься.

Леха Абрикосов — так он назвался, — галантно извинившись, вышел на несколько минут в туалет, да так и не вернулся. Происшествие не отразилось на моем финансовом положении — у меня было достаточно средств, чтобы скупить все запасы провизии, имевшиеся в заведении.

Но смутные сомнения посетили мою душу.

Бумеранги ведь действительно меня интересовали. Буквально каждый предмет на той выставке был магически зачарован, и каждое заклятие отличалось уникальным почерком. В силу изолированности Австралийского континента магия там пошла по совершенно другой колее, и проследить оригинальные пути мышления австралийских ведьмаков стало бы сущим наслаждением.

Леха Абрикосов магом не был, и для него сущим наслаждением являлось, видимо, кое-что совсем другое. Что такого интересного он смог бы увидеть в куске старого дерева или кости? Не лучше ли было помалкивать и познакомиться с ним поближе под крышей с четырьмя стенами?

Я сожалела о его бегстве, потому что Леха мне понравился. Он был невысок, но обладал ладной фигурой, симпатичной жизнерадостной физиономией и, что меня привлекло больше всего, неплохим чувством юмора.

Абрикосов представился профессиональным фотографом. Во всяком случае, он вручил мне визитку, на которой было вытиснено серебром: «Алексей Абрикосов, свадьбы и ню». Его камера действительно выглядела внушительно — массивная, с длинным объективом, на который было наложено грамотно сработанное гармонизирующее заклинание. Леха азартно запечатлевал меня в разнообразных ракурсах, тут же демонстрируя отснятые кадры. Он был подвижен как ртутный шарик. Несколько раз даже укладывался на асфальт, чтобы лучше запечатлеть мои ноги, с которыми, как он клялся, я легко сделаю карьеру фотомодели в Париже.

Видимо, он ничего не знал о зачарованном объективе и о том, что с такой камерой и

болотная жаба выйдет на фото царевной. На дисплее я наблюдала совершенно незнакомую девушку, более взрослую, более красивую и более уверенную в себе, чем та, кем я была на самом деле.

Особенно должна была помочь моей карьере фотосессия в обнаженном виде. Леха усиленно внедрял эту мысль в мое сознание. Надо же было определить, подойду ли я для демонстрации моделей нижнего белья «*Victoria's Secret*».

Леха был уверен, что подойду, но проверить все же было надо.

Я в свою очередь уверяла Леху, что проверять не надо — и так понятно, что не подойду.

Наши препирательства были так забавны, что я устала смеяться.

Никто не смешил меня так, как этот маленький фотограф. Разве что отец. Я скучала по дому, и, видимо, в этом заключалась причина того, что я смотрела на остроумного Леху более благосклонным взглядом, нежели на остальных. По крайней мере, с ним было не скучно.

В отличие от своих оленегорских подружек, я в свои семнадцать все еще не продвинулась дальше поцелуев и подросткового петтинга, но благодаря интернету прекрасно представляла себе процесс более близкого знакомства. Никакого страха или стеснения я не испытывала, просто хотелось начать с тем, кто не был бы мне безразличен.

И вот, когда мне попался вроде бы приятный малый, я затюкала его Эрмиажем, бумерангами и прочими заумными штучками, причем до такой степени, что он сбежал.

Да, и, кажется, один раз в подтверждение своих мыслей я процитировала Бродского.

Молодец, Даня! Может, именно Бродский Леху и добил?

Мне очень хотелось поделиться своими сомнениями с более опытными в этом плане подругами. Несколько раз я принималась писать сообщение Оле и Марине, но на экране монитора слова превращались в невнятный косноязычный лепет. Слава большого писателя мне явно не грозила.

Затевать междугородний телефонный разговор на такую тему мне тоже показалось неловким.

Несколько дней я то и дело возвращалась в мыслях к этому вопросу, пока как-то вечером неожиданно не услышала голос в голове:

— Тут и думать нечего.

Я вздрогнула, не сразу сообразив, что слышу анималингу Снежинки, которая валялась на диване кверху пузом и увлеченно ловила невидимую миру муху.

Снежинке недавно исполнилось пять лет, и, как взрослый фамилляр, она теперь могла подключаться к всемирной телепатической сети фамилляров — Катнету. Совокупная житейская мудрость фамилляров была беспредельна. Иметь фамилляра для ведьмы было то же самое, что иметь личную поисковую систему вроде «Гугла», с поправкой на то, что это был «Гугл», кровно заинтересованный в счастье и благополучии именно этой ведьмы.

Я села рядом.

— В смысле?

— Ты все время думаешь про этого Леху Абрикосова. А тут и думать нечего. — Снежинка лениво перевернулась на бок и продолжила скучным голосом: — Леха — обычный негодяй, и ничего больше. Кстати, что это за имя такое — Леха Абрикосов? — Она подергала левым ухом — это означало у нее иронию. — Наверняка наврал. Негодяй, как есть негодяй.

С тех пор как Снежинку приняли во всемирное сообщество фамилляров, ее кидало в

крайности. По натуре она была легкомысленная беспечна, но тот факт, что в начале жизни ее чуть было не лишили магической сущности, оставил жестокий шрам на поверхности нежной кошачьей души. Снежке очень хотелось доказать миру свою профессиональную состоятельность и стать настоящим фамильяром. Она то и дело ныряла в Катнет, подолгу там зависала, а затем, выныривая, вдруг начинала разговаривать как изрядно пожившая и от этого несколько зачерствевшая душой женщина.

Первоначально меня брала оторопь от ее тона, но мама объяснила, что это у Снежинки начальная эйфория от повышения статуса и что вскоре это пройдет, а пока придется потерпеть.

Я пожала плечами.

— Вообще-то он дал мне визитку. «Алексей Абрикосов, свадьбы и ню».

— Визитку! — Снежка фыркнула. — Если я дам тебе визитку, где будет написано, что я «Дита фон Тиз, стриптиз и песнопения», ты тоже поверишь?

— Не спорю, имя у него немного странное, зато звучное. Возможно, это псевдоним, знаешь, как у Раневской или Вольтера. Иногда люди искусства уже и не помнят, как их называли при рождении. Должно быть, смена имени их бодрит и освежает. А насчет негодяя — это еще неизвестно. Просто я напугала Леху своей манерой общаться.

Снежинка поднялась, села, сложила передние лапки вместе, обвила их хвостом и уставилась на меня ярко-оранжевыми глазами.

— Ведьма Данимира! — строго сказала она. — Он завел девочку-студентку в ресторан, поел-попил за ее счет и смылся, не прощаясь. Кто он, по-твоему, после этого?

— Да ладно, — махнула я рукой. — Ты же знаешь, я не обеднела.

— Да, но он-то этого не знал! Ты уж меня извини, хозяйка, но по тебе не скажешь. Посмотри на себя — рубашонка клетчатая, шортики джинсовые, тапочки эти вечные на резиновом ходу... Ведьма Данимира, пора на шпильки переходить.

— Тапочки удобные, я в них счастлива. Не представляю, как люди передвигаются на шпильках. Некоторые даже бегают — я сама видела. Мне на эти ходули смотреть страшно, не то что самой надеть. И потом, я и так высокая, а на каблуках стану еще выше. А насчет Лехи... Ну не знаю, не знаю...

— А я думаю, что знаешь. Представь, что этот Леха сбежал не от тебя, а от твоей подружки. От Ольги. Или от Маришки.

— Какой негодяй! — вскричала я тут же. — Гад ползучий!

— Ага, — довольно муркнула Снежинка. — Оказывается, мы всё прекрасно и сами понимаем. У тебя проблемы с самооценкой, хозяйка. Такое часто бывает с книжными девочками, но это пройдет со временем — когда тебе надоест попадать впросак. А пока ты можешь представлять на своем месте дорогого тебе человека. Так тебе легче будет разобраться, что такое хорошо и что такое плохо. А то ишь! Девочка ему Бродского почитала, и поэтому Вася Помидоров теперь у нас страдалец.

— Снежка! Во-первых, не Вася Помидоров, а Леха Абрикосов, во-вторых, да не читала я ему Бродского. Ты так говоришь, как будто я на табуретку влезала и оттуда декламировала. Так просто, к слову пришлось, совсем чуть-чуть. Стали говорить, что лето жаркое, даже слишком, все слегка замучились. Ну, вот я и вспомнила: «Я не то что схожу с ума, но устал за лето. За рубашкой в комод полезешь, и день потеряешь. Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла все это — города, человек, но для начала — зелень». Вот и все. Но и четырех строчек хватило, чтобы от меня сбежали.

— Это твой Бродский написал? — заинтересованно спросила Снежинка, не обращая внимания на мое самобичевание. — Молодец, он, наверное, в прошлой жизни котом был. Иногда так устаешь в этой шубе, а солнце все светит и светит... Жа-арко... И все такое зеленое-презеленое... В жару сразу хочется чего-то черно-белого, начинаешь завидовать обычным котам. Если встретишь Бродского, передай ему, что он хороший поэт.

— Я не встречу его, Снежечка, он уже умер.

— Ну, тогда он сейчас кот, наверное, — рассудила Снежинка. — За хорошие стихи. Может быть, даже чей-то фамильяр. Я бы с радостью с ним познакомилась.

Я подумала и согласилась, что да, я бы тоже с радостью познакомилась. Хотя мне и непонятно, почему это Бродский за свои стихи должен стать именно котом.

Снежинка посмотрела на меня с укоризной.

— Сама подумай, хозяйка. Разве ты встречала хоть одну собаку, которая писала бы стихи?

Женская логика все-таки ничто по сравнению с кошачьей, подумала я.

— Нет, не встречала. Хотя, честно говоря, я и котов таких не встречала.

Снежинка возвела к потолку оранжевые очи, на ее белоснежной мордочке появилось мечтательное выражение.

— Встречала. Левиафан пишет стихи.

— Лева?! Наш Лева?

Матерый манул Левиафан при виде Снежинки совершенно терял голову и пытался изображать юного котеночка. От его игривых скачков и пробежек в буфете подпрыгивала посуда и звенели хрустальные подвески на качающейся люстре в гостиной. Теперь выяснилось, что он еще и стихи для Снежинки сочиняет.

— А я и не знала.

— Он пишет стихи только для меня, — довольно мурлыкнула Снежинка. — И только мне читает.

— Лева — мужчина видный, но суровый, не каждому душу раскроет. Счастливая ты, Снежка.

— Да, я такая, — не стала скромничать кошечка. — Лева говорит, что я неповторимая, как настоящая снежинка. И еще что я похожа на Мэрилин Монро. Кстати, это правда, что каждая снежинка уникальна? А кто это придумал и зачем это надо?

На тот момент Снежка забыла о своем новом статусе, и ее мысли принялись по-прежнему с легкостью переходить от предмета к предмету.

Мне все-таки хотелось вернуться к волнующему меня вопросу.

— Снежинки и вправду все разные, а почему так, я не знаю. Снежечка, ты мне лучше скажи... — Я смущенно потупилась, но потом продолжила: — А я случайно не зануда? Ну, знаешь, вроде мальчишки не любят таких... Я учусь слишком хорошо и слишком много знаю... таких заучками зовут.

— Тебя в Оленегорске так называли? — удивилась Снежинка. — Никогда не слышала.

— Нет, в нашей школе все нормально было, мне кажется, меня все любили. Но в больших городах все по-другому — я в телевизоре видела, в сериале «Заучка и Хулиган», который по утрам повторяют. Ты же знаешь, я всегда телевизор на кухне включаю, пока завтрак готовлю...

— Завтрак?.. — задумчиво сказала Снежка. — Может, мне съесть чего-нибудь?

— Я имела в виду, что, может быть, я... э-э-э... зануда?

— Всем бы такими занудами быть, — небрежно бросила Снежинка. — Рыбки? Или сметанки ложечку? Или все-таки рыбки?.. Пожалуй, я бы съела корюшки... совсем чуть-чуть, пару штучек...

— Не сезон. Только в консервах, а консервы тебе нельзя. Я тебе лучше сметаны дам, ты вот только на мой вопрос ответь... На самом деле ведь меня волнует не частный случай с Лехой Абрикосовым, арт-фотографом, бог ему судья, а философский вопрос в глобальном масштабе... с высоты птичьего полета, так сказать.

— Я, конечно, не парень, но мне тоже иногда от тебя сбежать хочется, ведьма Данимира. Выражайся проще. А то ты пока к сути дела подойдешь, сметана прокиснет.

— Проще? Пожалуйста. Ждать ли мне принца на белом коне или...

— Жди.

Снежинка снова повалилась на спину и продолжила ловить невидимую муху.

Я подождала некоторое время, наблюдая за ее игрой, потом разочарованно спросила:

— И это все?

— А что ты хотела услышать?

— Что-нибудь еще. Хотелось бы развернутого ответа.

Снежинка перестала помавать лапками в воздухе, аккуратно сложила их на груди и повернула круглую мордочку в мою сторону.

— Ну что ты как маленькая, хозяйка? Ты же ведьма. Ведьминскую сущность в мешке не утаить. Ты все равно не сможешь без своих бумерангов, и звонких цитат, и без Эрмитажа, и всего такого прочего. Зачем тебе связываться с тем, кто не хочет ведьму? Сейчас, подожди, — она зажмурилась, и я поняла, что Снежинка подключилась к планетарной мудрости. Вскоре она приоткрыла глаза: — Вот, подходяще. С любимым нужно говорить на одном языке.

Я хихикнула.

— А если я полюблю китайца?

— Тебе разве не хотелось бы услышать Бродского на китайском?

— Э-э-э... Понятия не имею... А как ты думаешь, Снежечка, я... это... ну, в общем, если я буду такой переборчивой... — я набрала воздуха и произнесла страшное: — А я случайно не останусь старой девой?

Я очень боялась остаться старой девой.

Снежка снова подергала ухом.

— Ты — не останешься.

Снежинка снова замолчала, но мне хотелось, чтобы она окончательно развеяла мои сомнения.

— А вдруг?

Я, конечно, втайне ожидала, что Снежка повторит мамины слова про то, какая я красотуля, но вместо рассказов о том, какая я прекрасная, Снежка вдруг сказала:

— А если и останешься, тоже ничего страшного. Зато ведьмы-девственницы самые сильные. Вот я, например, решила сохранить свою Силу полностью. — И добавила довольным голосом: — Лева плакал.

— Но я не хочу Силы такой ценой, — надулась я. — Я хочу, чтоб все было как у мамы: и Сила, и папа.

— Учиться тебе надо срочно, хозяйка, — сказала Снежка недовольно. — По-моему, это от безделья тебе всякая ерунда в голову лезет. Тебя родители учиться направили, все условия создали, квартиру купили, денег надавали... умницей-разумницей тебя считают, доверяют...

А ты о чем думаешь? Не отдать ли свою девственность — ведьмино сокровище — Васе Помидорову?

Мне стало стыдно.

Конечно же, тут Снежка была кругом права. Из-за того, что дни в конце лета выдались одинаково ласковыми, безветренными, приторно теплыми, и даже редкие дожди шли только по ночам, а к утру от ночной влаги не оставалось и следа, мне начинало казаться, что я застряла в каком-то сладком безвременье. Бесцельные странствия привели меня в состояние духовной невесомости. Иногда я чувствовала себя пчелой, которая отведала сладкого, но уже забродившего виноградного сока и теперь, потеряв все ориентиры, летит навстречу гибельной неизвестности.

Как тут было избежать глупых мыслей?

Но все проходит; прошли и эти беззаботные дни ожидания.

Наступил сентябрь, в остудившемся воздухе горьковато запахло осенью. Я подставила лицо первым свежим ветрам, и они вымели из головы пустое, возвратив мне цельность и ясность рассудка.

Мне так надоело безделье, что в институт я бежала вприпрыжку, размахивая рюкзаком и широко улыбаясь незнакомым встречным.

Студенческое бытие оказалось прекрасным. Я снова встретила с Женей Журавлевой, обзавелась и другими приятельницами. Жизнь, безусловно, налаживалась.

Правда, немного разочаровала учеба. Пока все, что нам преподавали, было мне хорошо известно, но мама, которой я пожаловалась по телефону, утешила меня.

— Не все же, как ты, выросли при библиотеке с магическим хранилищем, — сказала она. — Какой-то вводный курс необходим другим. В первое полугодие тебе действительно иногда может быть скучновато. Потерпи, Данечка, когда пойдут спецпредметы и начнутся практические занятия, станет гораздо интереснее, вот увидишь. А уж на втором курсе вообще сказочно. Наша группа на зимнюю практику в Тарту ездила, на целых два месяца. Прекрасные воспоминания. Там, в подвалах университета, такой спецхран — закачаешься! Не знаю, куда пошлют вас, но уверена, скучать не придется.

Мамино воодушевление передалось и мне. Я со смирением повторяла основы и ждала наступления лучших времен.

Но в холодном промозглom ноябре в мою жизнь вошли Мартин и его ковен, и мне уже было не суждено перейти на второй курс.

Никаких поездок.

Никаких волшебных фолиантов.

Ни-че-го.

Больше я не хочу вспоминать. Я хочу, чтобы стало темно и тихо, как этого и желал Мартин. И еще я больше не хочу никогда слышать этого имени — Мартин.

Я чувствую сильный толчок в грудь, чувствую боль, картинки из прошлого стремительно скручиваются в сумасшедший пестрый клубок, и этот клубок взрывается ослепительной вспышкой.

Я часто моргаю, и, когда зрение проясняется, передо мной возникает надпись, белая на зеленом: «Для твердых бытовых отходов», и какие-то цифры — служебный шифр коммунальщиков. Потом я вижу растянутую между стен хрустально-радужную паутину и седую крысиную морду с внимательным взглядом.

— Дело ведь в нем, в Мартине? — спрашивает крыса. — Из-за него ты оказалась здесь?

— Да... — Я киваю и чувствую, как мое тело сотрясает крупная дрожь, которую не остановить.

— Трясись, не трясись, а рассказать придется, — безжалостно заключает крыса. — Рассказывай. И вспоминай хорошенько, это самая важная часть твоей истории.

Я снова киваю, но жалобно говорю:

— Я многое не могу объяснить. Я до сих пор не понимаю...

— Рассказывай как помнишь, все остальное — потом. Отпусти память по водам, мне надо узнать твою душу.

— Вы же не дьявол? — спрашиваю я со слабой улыбкой. Вроде как в шутку.

Крыса ухмыляется довольно:

— Ты мне льстишь, деточка. Я всего лишь старая нянька. Смотри на сеть и продолжай.

Старая нянька. Какое странное определение. Но об этом я подумаю завтра. Если оно настанет.

Я не хочу смотреть на сеть и продолжать. Мне даже начинает нравиться, как меня колошматит. Дрожь покоряет меня, темнота зазывает в свою безмятежность, но бесцеремонная старуха снова больно толкает меня жесткими пальцами.

— Ведьма Данимира! Смотри на сеть!

Я открываю глаза.

Паутина вибрирует, вступает в резонанс с дрожью моего тела и постепенно замедляет колебания. Я, подчиняясь ее ритму, успокаиваюсь и снова становлюсь способной мыслить и даже чему-то сопротивляться.

— Я продолжу, но не могла бы ты перестать постоянно тыкать меня в грудь? — протестую я. — У меня уже все болит от этого тыканья!

Горло крысиной ведьмы издает какой-то печальный скрипучий звук.

— Дурочка, это я ведь тебе сердце завожу. Я ж говорю, у тебя мало времени. Сосредоточься и рассказывай, не буду тебя перебивать.

Надо же. Мне заводят сердце. Скверно звучит.

Я соскребаю по дальним закоулкам последние остатки разума и рассказываю.

Минута, когда я впервые увидела Мартина, впиалась в память отравленным жалом. Наверное, есть у людей чувство (не знаю уж, каким по счету оно является), которое ведает предвидением, и некие судьбоносные моменты, хоть мы об этом еще и не подозреваем, запечатлеваются гораздо ярче остальных.

За окном стоял ноябрь, сырой, мрачный, со сгибающимися от северо-западного ветра оголенными деревьями, с низкими свинцовыми тучами и бесконечными дождями вместо долгожданного снега.

Мы с Женей Журавлевой сидели на скамье в рекреации, в которой сходились несколько длинных коридоров. Я читала Женькин конспект по переплетной магии. Предыдущее занятие я пропустила, потому что несколько дней просидела дома из-за намечающейся простуды, и теперь наверстывала упущенное.

То ли какой-то звук на другом конце коридора, то ли что-то еще заставило меня

оторваться от чтения. Я подняла голову, и передо мной предстало зрелище — именно это слово пришло мне тогда на ум. Они шли, как шла бы в небе пятерка боевых истребителей на военном параде, — один самолет на корпус впереди и по два сопровождающих с каждой стороны.

Впереди двигался высокий золотоволосый парень в длинном, темном, каком-то готическом плаще, вокруг него вихрями клубилась энергия движения. Его длинные вьющиеся волосы развевались, полы плаща тоже развевались, и четыре брюнетки, синхронно шагающие позади, казались его черными крыльями. Это было похоже на начало высокобюджетного блокбастера, где на фоне титров в замедленной съемке шествуют главные герои, и с первых кадров становится ясно, кто в конце концов надерет задницу всем злодеям.

Я, как под гипнозом, не могла оторвать глаз от этой удивительной пятерки, которая так красиво и слаженно вышагивала по коридору.

— Челюсть подбери, Данька, — тихо, почти на ухо сказала мне Журавлева.

Я проглотила слюну и поспешно закрыла рот.

— А кто это? — так же тихо спросила я.

— Ты что, их никогда не видела? Шергина, ты меня поражаешь. Выползай хоть иногда из-под камня! Это же наша звезда, Мартин. И его свита... тоже звезды, институтского масштаба.

Широко известны в узких кругах, вспомнила я распространенную шутку.

Слова «его свита» и «звезды» Женя произнесла с ярко выраженной неприязнью. Брюнетки позади Мартина явно не пользовались симпатией моей подруги. Впрочем, мне показалось, что и сам Мартин Журавлевой не нравится тоже.

— А почему Мартин? — неопределенно спросила я, но подружка меня поняла.

— Потому что из Прибалтики, из Риги, что ли... На практику к нам приехал, по обмену. Диплом пишет. Что-то там про влияние магически заряженных шрифтов на популяцию говорящих летучих мышей. Или на популяцию говорящих пингвинов... или еще на какую-то говорящую популяцию. В общем, он в нашем спецхране сидит, зачарованные шрифты изучает.

Старшая сестра Женьки, Лена, училась на последнем курсе нашего факультета, и в связи с этим обстоятельством подруга являлась просто неоценимым кладом информации. Она уверенно держала руку на пульсе студенческой жизни.

— А... эти? — Я опять спросила невнятно, но Женька снова меня поняла.

— А эти наши, тоже библиотечные, с пятого курса... — Она скривила губы. — Ходят за ним хвостом...

Великолепная пятерка приблизилась, и мы замолчали. На повороте, который они выполнили так же слаженно и четко, одна из девушек, шедшая по правую руку от Мартина, повернула точеный смуглый профиль, приподняла бархатные ресницы и искоса взглянула на нас. Мне даже показалось, что она посмотрела именно на меня — с каким-то странным интересом. Но этот взгляд длился долю секунды; затем красавица отвернула равнодушное лицо и прошествовала дальше, оставив после себя легкий сухой аромат дорогих духов.

Когда пятерка скрылась за поворотом и можно было считать, что они уже вне зоны слышимости, Женя прокомментировала:

— Вот эта, что по правую руку шла и по сторонам зыркала, — Ксения Михайловская, из Москвы. У нее отец — какая-то крутая шишка в министерстве.

— Странно... — сказала я. — Обычно москвичи у себя учатся. Если вообще не в

лондонах или нью-йорках.

Питерский Смольный институт был почтенным старинным заведением, с традициями и прекрасной учебной базой, но готовил он, положив руку на сердце, мелкую сошку — учителей, библиотекарей, архивариусов, регистраторов и тому подобных специалистов. Сюда приезжали поступать юные ведьмы со всей провинциальной России, но чиновные москвичи в наш институт не рвались, после него карьера не светила и в тайны мадридского двора не посвящали.

— А это ее папаша сюда сослал, так говорят. В наказание за что-то.

— А за что? — с любопытством спросила я.

Журавлева пожала плечами.

— Понятия не имею. Никто не знает.

Да уж, подумала я, если сестры Журавлевы не знают, то и правда никто не знает.

— Такая красивая... — сказала я искренне. Перед глазами все еще стояло дивное шествие. Я добавила: — Они все такие красивые...

Женька скептически фыркнула.

— Ага. Красивые. Как кобры.

Я засмеялась, вспомнив скольльзящий шаг и покачивающиеся в такт головы.

— Ну да, есть что-то...

— Что-то! — Подруга снова фыркнула. — Кобры как есть. Слава богу, что они на последнем курсе и скоро исчезнут из нашего института как страшный сон.

— А что так мрачно?

Женя замаялась. Потом заговорила, снова почти шепотом.

— Ты знаешь мою сестру, Ленку. Она с ними учится. Так вот она говорит, что если Ксюша и компания на тебя косо посмотрят, то лучше сразу взять академический отпуск или перевестись в саратовский филиал. Здоровее будешь. Одна девочка с первого курса отказалась им стол в столовой уступить, так на следующий день ногу сломала. Сложный перелом с каким-то жутким смещением. На всю жизнь хромой останется.

— Если всем ноги ломать, кто тебе не угодил, так ног не напасешься, — возразила я. — Представь себе: вот идут они одни здоровые, а вокруг все загипсованные, на скамеечках сидят. Картина маслом, да?

Женька поневоле заулыбалась.

— Вот. А ты говоришь. С той девочкой из столовой, наверное, совпало просто.

— Ага, — сказала Женя. — Совпало. — Она оглянулась по сторонам и тихо сказала: — Есть некоторые люди, которые считают, что у них... ковен.

Нервная оглядка Жени меня удивила. Она была крепкой уральской девчонкой, очень спокойной, трезвомыслящей и далеко не пугливой.

— Ковен? Они что, зарегистрировались? — Это был глупый, но закономерный вопрос, поскольку по законам Тихой Империи любой ковен, даже тот, что создавался для успешного проведения апрельского субботника, обязан был сначала получить одобрение имперских властей и подлежал регистрации в органах магического учета.

— Естественно, нет. Эти некоторые люди считают, что у них черный ковен.

— Черный ковен?!

Я округлила глаза.

Такое объединение магически одаренных находилось под запретом, поскольку использование крови христианских младенцев, не санкционированное свыше оживление

упокоенных мертвецов и тому подобные аморальные акты колдовства еще со Сноудонской встречи считались в нашей Империи неприемлемыми.

— Ну да, — подтвердила Женя. — Некоторые люди случайно слышали, как Гелька Ливанова с Анькой Гориченковой...

— Это кто? — Подруга постоянно забывала, что в отличие от нее я не знаю весь институт по именам и фамилиям.

Женька досадливо пояснила:

— Они только что мимо нас проходили, с Мартином вместе. Ливанова по левую руку шла, а Гориченкова за ней. Шергина, ты как из тайги только что вышла. Весь институт их знает, одна ты не знаешь.

— И как я раньше жила без этой ценной информации, известной каждому культурному человеку? — съязвила я.

— Теперь ты, слава богу, в курсе, — ничуть не смутилась Женька и продолжила: — Так вот, Гелька с Анькой обсуждали кое-что. Будто бы они этим летом на Волковском кладбище Тургенева поднимали.

Я снова вытаращила глаза.

— На Литераторских мостках? Ивана Сергеевича? Того самого?

— Угу. Ивана Сергеевича, того самого. Мартин им рассказал, как это сделать, они недолго думая и подняли. За «Муму» Тургенева ругали — типа, слишком добрый рассказ получился. Было бы гораздо лучше, если Герасим утопил бы Муму, потом взял топор, порубил в капусту помещицу и всю челядь заодно, а потом пошел и утопился в том же месте, где он упокоил свою собачку. Они сказали Тургеневу, что Чак Паланик лучше бы «Муму» написал. И еще спрашивали, было у него «это самое» с Полиной Виардо или не было.

— Безобразие какое! — возмутилась я. — Нельзя так делать, у мертвых есть право на покой! Тем более такой писатель, такой человек... мало, что ли, он в жизни с этой Виардо настрадался? — Потом я не выдержала и все-таки спросила: — И чего Тургенев сказал? Было или не было у него с Виардо?

Женька хохотнула.

— Чего, чего... А ты как думаешь? Послал их по матушке куда подальше. Говорят, ругался как настоящий гений словесности — используя все богатство великого и могучего русского языка. Они и половины таких слов отродясь не слышали, но общий смысл уловили прекрасно.

— Смешно, конечно... Но все же жуть какая, — я поежилась. — А почему их не наказали? За некромантию по головке не гладят.

— Дань, ну что ты как маленькая. Их же за руку никто не поймал, Тургенев с жалобой не обращался. Тот, кто слышал, тоже помалкивать будет. Поди докажи, что они это делали. А как известно: не пойман — не вор.

— Ну, тогда это все еще может быть и неправда, — с непонятным для самой себя облегчением произнесла я. — Может, они просто фантазировали. Вообще, это на анекдот какой-то похоже. Может, это просто домыслы твоих «некоторых людей» — ну, про черный ковен.

Женя вздохнула.

— Поверь, девочка моя, это очень верные домыслы. Мы будем держаться от них подальше, и будет нам счастье. Я и тебе-то сказала, только чтобы предупредить. Потому что ты, Даня, вроде умная-умная, а иногда такой наив выдаешь, как пятилетняя просто. У тебя же

небо всегда синее, а солнце желтое. И кстати, обрати внимание, какой у них состав. Четыре девушки и один парень.

На «наив» я не обиделась — водилось за мной такое, — а вместо этого задумалась. Действительно, идеальный состав для черного ковена: четыре ведьмы на четыре угла звездной пентаграммы и ведьмак на вершину звезды. Но мне почему-то очень не хотелось верить, что такое возможно. Это же реальная жизнь, а не фильм ужасов.

— Может, совпадение? Мы в Оленегорске однажды в поход так ходили — Илюша Одинцов и нас, девчонок, четверо. Случайно получилось, другие не смогли, а мы все-таки решили пойти. Ничего так, весело было. В смысле, нам, девчонкам, было весело. Одинцова-то мы, конечно, зверски замучили, как фашисты партизана. И, заметь, никакого ковена.

Женька мрачно хмыкнула.

— Ага. Снова совпадение. Дань, я тебя предупредила. Увидишь Мартина и компанию — перейди на другую сторону улицы. И вообще выбрось их из головы.

— Да никто, собственно, и не собирался бежать за ними с предложениями нежной дружбы или драться за столик в столовой. — Я пожалала плечами. — Просто они такие... яркие. Колоритные. Картинки из аниме. Как же не перемыть им кости-то, Жень? И вообще у нас институт девчачий, мальчишек — раз-два, и обчелся. А тут этот Мартин, звезда прибалтийская...

Я вспомнила развевающиеся золотистые волосы, голубые глаза, устремленные вдаль, и нежные губы — улыбавшиеся, будто в предвкушении невероятной встречи. Чего греха таить, «явление Мартина народу» произвело на меня большое впечатление.

— Давай закругляться с разговорами, нам на занятия пора. — Журавлева встала. — И кстати, чтоб ты не слишком увлекалась аниме: некоторые люди считают, что он спит со всеми четвермя.

Криво усмехнувшись, она добавила:

— Одновременно.

— Высокие отношения... — только и смогла промямлить я.

— Ну чего ты хотела? Так и положено в черном ковене, для укрепления магической связи. У них же там половина ритуалов на сексе держится. Кончай хлопать глазами, вставай, поши.

До аудитории, где через пару минут должны были начаться занятия, мы шли молча и больше к этому разговору не возвращались.

Однако взбудораженное подсознание подкинуло мне подарочек — в наступившей ночи мне привиделся Мартин. Он лежал, раскинувшись на смятом темном атласе пурпурно-винного цвета, неподвижный, совершенно обнаженный, золотистые волосы рассыпаны в странном порядке, образуя солнечный ореол вокруг головы. Его ковен был с ним. Четыре черноволосые девушки, тоже обнаженные, напротив, непрерывно передвигались — то свивая смуглые тела, то развивая их, то почти полностью скрывая Мартина, то открывая его. Все это походило на клубок змей, празднующих свою змеиную свадьбу, а самым страшным было то, что ледяные глаза Мартина смотрели прямо на меня, и я могла поклясться, что он видит меня в реальности. На его губах по-прежнему гуляла предвкушающая улыбка. Мартин медленно поднял руку и беззвучно поманил меня пальцем. Я почувствовала, что против воли начинаю приближаться к темному ложу, и застонала от ужаса.

Спасла меня Снежинка.

Она услышала стон и разбудила меня.

— Ты мычала, — сообщила она, сидя на моем животе. — Плохой сон?

— Фу, ужас какой, — сказала я, слушая, как бешено колотится сердце в груди. — Ужас, какой дурацкий сон! Спасибо тебе, Снежечка, что разбудила меня. Ты просто спасла меня.

— Что тебе снилось?

Я подумала и сказала:

— Змеи. Мне снились змеи.

Снежка замолчала ненадолго — подключилась к своему Катнету. Потом заявила авторитетно:

— Это к измене или предательству. Или к назначению индийским посланником. Ты должна быть настороже, ведьма Данимира. Навряд ли тебя пошлют в Индию. Хотя все в этой жизни бывает...

Я пробормотала:

— Потом догонят и еще раз пошлют... Буду, буду настороже. А пока пойду-ка я лучше водички попью. И валерьянки приму капель двести.

— Мне тоже, мне тоже, — обрадовалась Снежинка и, вскочив с места, принялась топтаться по мне, выпуская когти.

— А тебе нельзя, — строго сказала я.

Снежка возмутилась.

— Но я же спасла тебя от змей!

— Снежа! Огромное тебе спасибо, Родина тебя не забудет. Но ты ведь, если валериану хотя бы понюхаешь, до утра по ковру валяться будешь и песни свои кошачьи петь. А мне на занятия рано вставать.

Попив водички и вернувшись в постель, я попыталась было заснуть, но быстро выяснилось, что спать при свете у меня не получается, а заставить себя выключить лампу я тоже не могла — покой не приходил.

В итоге я снова вскочила, вернулась на кухню и заварила себе чай с мелиссой. Потом в сердцах вскрыла плитку шоколада и взяла в постель «Грозовой перевал», чтобы чужие страсти и переживания отвлекли меня от своих собственных.

Несколько листочков, отщипнутых от сушеной веточки мелиссы, я закатала в шарик из шоколадной фольги и выдала в качестве игрушки Снежинке. Подарок моему фамильяру понравился, и она полночи неумоимо гоняла его по углам.

Читала я в результате до утра, слопала весь шоколад и приползла на занятия невыспавшаяся и злая. Злилась я прежде всего на себя и на свою девичью впечатлительность. Женьке, которая заметила, что я сегодня не в форме, я не рассказала ничего, отговорившись банальной бессонницей.

Да и что я ей могла сказать? Что вчера я увидела привлекательного внешне студента, и этой же ночью он приснился мне в эротическом сне? Наверное, смешливая Журавлева тут же вспомнила бы дедушку Фрейда и старый анекдот на тему «жениться Вам надобно, барин».

Нет уж, такие подробности я не собиралась предавать гласности.

Через некоторое время я успокоилась и вспоминала этот сон уже в юмористических тонах — удивлялась, почему в постели с Мартином не было еще и Ивана Сергеевича Тургенева с Чаком Палаником и Полиной Виардо.

Старшая Журавлева уже третий год по вечерам подрабатывала баристой в кофейне,

которую держал хозяин-маг. Семья Журавлевых была небогата, и дополнительный доход стал не лишним.

Вскоре выпал случай, и Лена предложила освободившееся место официантки младшей сестренке. Я в деньгах не нуждалась, но тоже пошла поработать за компанию. Чтобы оставалось время на учебу, мы разделили с Женькой одну вакансию на двоих.

На три-четыре вечера в неделю я превращалась в официантку, и эта игра в Золушку увлекала меня чрезвычайно. Мне нравилось все: и само расположение «Кофейного Рая» — неподалеку от Невского проспекта, и то, что в стильном и уютном помещении было два этажа, и что наверх ведет красивая деревянная лестница с фигурно выточенными балясинами и широкими перилами; нравилось туго повязывать вокруг талии длинный, до щиколоток, коричневый холщовый фартук, нравилось встречать улыбкой новых посетителей и приветствовать завсегдатаев каким-нибудь приятным презентом — круассаном с еще горячей клубничной начинкой или рассыпчатым песочным сердечком в ореховой посыпке.

Это была настоящая взрослая жизнь — вечерняя, сияющая в холодной осенней мгле электрическими огнями, пахнувшая свежесмолотой арабикой и теплой выпечкой, наполненная человеческим гомоном и звуками джаза, лившимися из динамиков. Взрослая жизнь — с поправкой на то, что я могла в любую минуту вернуться в детство.

При устройстве на работу, правда, произошел непонятный эпизод.

В назначенный вечер мы с Женькой подъехали в кафе, где нам предстояло трудиться. Лена встретила нас и повела на второй этаж, в кабинет хозяина, чтобы представить своих протеже. Роберт Ашотович, конечно, никогда не стал бы связываться с несовершеннолетними, но ему в качестве сотрудниц были нужны именно ведьмы. Основная масса посетителей кафе происходила из магического сообщества, и всегда находился кто-то, желающий прикурить от собственного пальца или раствориться в воздухе при виде внушительного счета.

Роберт Ашотович замаялся реставрировать картину мироустройства в головах обычных граждан и с некоторых пор подбирал персонал только среди магически одаренных.

Разумеется, любая ведьма могла найти более серьезную работу, да еще и Роберт Ашотович был, прямо скажем, скуповат. Но приличные чаевые скрашивали неказистый оклад, и студентки-магички на такую работу соглашались.

Хозяин кофейни был грузным мужчиной с яркими серебряными нитями в густых черных волосах. Он встретил нас, сидя за рабочим столом, и поначалу мне показалось, что Роберт Ашотович дремлет.

Глаза у него были полуприкрыты, а дыхание — сипло, как у спящего астматика. В процессе разговора Роберт Ашотович вдруг проснулся и начал кидать на меня изучающие взгляды. И чем дольше длился разговор, тем продолжительнее становились эти взгляды. Вид у Роберта Ашотовича стал крайне заинтересованный, но в интересе хозяина «Кофейного Рая» я не почувствовала чего-либо непристойного. Он вел себя скорее как энтомолог, заметивший у себя на подоконнике букашку неизвестного науке вида.

Черносливовые глаза заиграли, над тройным подбородком появился намек на улыбку.

Когда основные формальности были улажены, Роберт Ашотович сгреб наши документы и скрылся в задней комнате, чтобы сделать с них ксерокопии.

Лена тут же шепнула мне на ухо:

— Имей в виду, у Робики жена и пятеро детей.

Я скорчила печальную рожицу и пробормотала в ответ:

— Ну вот, так всегда, а я-то размечталась!

На прощание Роберт Ашотович и совершил то самое, странное. Когда аудиенция подошла к концу, меня попросили задержаться. Девчонки вышли, а хозяин принялся расспрашивать меня о месте, откуда я приехала, о семье (я отвечала сдержанно, как всегда: выросла в рабочем поселке, мама — библиотекарь, папа на заводе работает), а под конец вдруг, будто бы на что-то решившись, кивнул на мою руку:

— Позвольте?

Сомневаясь — правильно ли я его поняла? — я медленно подняла руку, и Роберт Ашотович почтительно припал к моим пальцам, тихо, еле слышно просопев над ними:

— Светлейшая... — и поднял на меня глаза.

Создавалось впечатление, что он ожидает какой-то определенной реакции.

На «Христос воскрес» положено отвечать «воистину воскрес», на «будь готов» — «всегда готов», а что положено отвечать на «Светлейшую» — я не знала. Когда такое проделывал папа, мама обычно выдергивала у него руку и заливалась веселым смехом. Я всегда считала, что это личная прибаутка родителей, глубинный смысл которой доступен лишь им двоим.

Как выяснилось, не только им.

Заливаться веселым смехом мне что-то не хотелось, никакой особой светлости я в себе не ощущала, поэтому осторожно забрала свою конечность, неловко бормотнув в ответ: «Э-э-э... Большое спасибо, Ашот Робертович...»

Хозяин кофейни распрямился, заново изучил мое недоумевающее лицо и, видимо, сделал для себя какие-то выводы.

— Всего доброго, Данимира Андреевна, — ровно произнес он и замолчал, сложив руки на животе. Круглые веки прикрылись — он приготовился снова заснуть.

Я поняла, что представление окончено, и покинула кабинет.

Лена с Женькой уже спустились вниз и ожидали меня за столиком у окна. У нас был запланирован веселый праздник живота по случаю начала трудовой жизни, и сестры склонили русые головы над широкими листами книги в солидном кожаном переплете — изучали меню. Когда я подошла, они оторвались от увлекательного занятия и накинулись на меня, требуя подробностей.

— Он просто предупредил, чтоб я не надевала на работу такую короткую юбку, как сейчас, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

Врать я никогда не умела. Отговорка была глупа. Юбка на мне была не такая уж короткая — намного выше колена, но все же вполне в рамках приличия.

— Что это с Робином? Он что, с ума сошел? Короткая юбка — это же наше все, это двойные чаевые! — возмущилась Лена. — Сейчас я ему выскажу! — и она, развернувшись, помчалась вверх — так стремительно, что я не успела ее остановить.

Вернулась Лена озадаченной.

Женька была в нетерпении.

— Ну?

— Даня, признавайся, что ты сделала с нашим хозяином? Он называл тебя по отчеству. Он сказал, что Данимира Андреевна вольна приходить на работу в чем хочет. Хоть без юбки вообще. Честное слово, так и сказал, — сообщила Лена. — И хихикнул как умалишенный. Что все это значит?

— Не думаю, что когда-нибудь воспользуюсь этой привилегией, — отшутилась я, как бы

не слыша вопроса.

Я не знала ответа, поэтому поспешно перевела стрелки:

— Ух ты, а меню здесь какое красивое! Просто произведение искусства, а не меню! А что тут есть со взбитыми сливками? И с клубникой?

Сестры Журавлевы поняли, что большего от меня не добьются, и щекотливый вопрос был закрыт, по крайней мере на время.

Через полчаса, отправляя в рот клубничину, подхваченную с белоснежной сливочной вершины, я случайно подняла глаза и застыла, не донеся лакомый кусочек до рта. На галерее второго этажа стояла группа людей и с интересом наблюдала, как я предаюсь греху чревоугодия. Там было двое молодых людей — необыкновенно похожих друг на друга, скорее всего, близнецы, рядом стояли две девушки — одна нашего возраста, другая подросток, и еще была женщина с роскошными волосами цвета темной вишни, с младенцем на руках. На меня глазели все, включая младенца.

— Кто эти люди? — спросила я, поперхнувшись.

Лена посмотрела вверх.

— А, это Артур Робертович, Гамлет Робертович, Анжелика Робертовна, Луиза Робертовна и Мари Гаспаровна с малолетним Кристианом, само собой, Робертовичем.

— А что это они делают?

— Как что? Пришли на тебя посмотреть.

— Зачем?

Лена мстительно усмехнулась.

— Ну как же! Ты же что-то сделала с их любимым отцом и мужем. Хотят посмотреть на злодейку.

— Я его съела. Вот так, — сказала я и отправила красную ягоду в рот. — А потом выплюнула уже совершенно другим.

— Не показывай! — поспешно сказала Женька.

Мы переглянулись и покатались со смеху.

Странности витали вокруг меня, как комары, — назойливо, но не причиняя особого вреда. Легче было не обращать внимания, чем придавать этому большое значение.

Первое время с непривычки мои бедные ноги гудели как высоковольтные провода. Я уставала так, что после рабочей смены падала в постель замятво, но и незнакомая ранее усталость мне тоже нравилась.

Зато больше никаких эротических кошмаров.

Да-а, барин, посмеивалась я про себя, не жениться Вам надобно, а на работу устроиться. Пахать, пахать и еще раз пахать!

Неоднократно после того памятного явления я снова видела Мартина в коридорах института, то одного, то с компанией, но ничего зловещего ни в нем, ни в его подружках не замечала. Вели они себя вполне адекватно, на людей с пеной у рта не бросались, хотя вид у девушек по-прежнему был надменно-отстраненный.

Один раз я столкнулась с Мартином в подвале институтского спецхрана. Он внезапно появился из-за стеллажа, и я почти налетела на него по инерции. Мартин вежливо поддержал меня за локоть, потом отстранился, коротко взглянул на меня, извинился — с легким наклоном головы — и спокойно направился дальше по своим делам. Я успела заметить, что говорит он действительно с едва различимым акцентом, который показался

мне ужасно милым. Золотисто-рыжие волосы Мартина в тот день были аккуратно причесаны и собраны в хвост, одет он был в джинсы и белую толстовку с красной английской надписью «*Born to be free*».

Словом, он выглядел типичным студентом, и я подивилась своему первому странному впечатлению.

С чего это Мартин показался мне чуть ли не Люцифером?

У него были манеры хорошо воспитанного рижанина и славное, даже несколько мальчишеское лицо. Он напоминал мне кого-то из голливудской братии, но поскольку знатоком кинематографа я не являлась, имя актера так и не проявилось в памяти.

И с чего Женькины «некоторые люди» (я была уверена, что под «некоторыми людьми» подразумевалась ее старшая сестра) решили, что прибалтийский гость не чурается темной магии?

Немного поразмыслив, я решила, что все дело — в четырех подружках, постоянно крутившихся вокруг Мартина. Выражение горделивой спеси, не покидавшее их ни на минуту, могло вызвать раздражение в ком угодно. Одевались они то в черную обтягивающую кожу, то в длинные, развевающиеся на ходу одеяния — тоже темных тонов, длинные волосы были всегда распущены по плечам.

По моему разумению, девочки играли в крутых ведьм так же, как я играла в официантку.

Очень может быть, что они сами и поддерживали те мутные слухи, что окружали их зловещим ореолом. Мне казалось, что если бы подружки Мартина родились парнями, то, наверное, стали бы кем-то вроде байкеров. Одевались бы в куртки с заклепками, туго повязывали бы на бритые черепа красные банданы и носились бы по городу колонной, эпатируя прохожих оглушительным ревом стальных коней.

Есть же такие люди, которым непременно нужно доказать свою значимость с помощью внешних атрибутов. Это было так понятно: мое собственное стремление стать как можно более незаметной происходило из того же источника — из неуверенности в себе. Просто мы двигались по противоположным векторам.

Впрочем, размышления по поводу институтских достопримечательностей скользили по обочине моего сознания. Жизнь была прекрасна и удивительна — и обещала стать еще прекрасней и удивительней.

На новогодний институтский бал традиционно приглашались студенты из других магических учебных заведений. Все-таки Смольный был традиционно девчоночьим институтом, и без притока тестостерона со стороны бал мог стать только пародией на самого себя.

Женька на этом балу познакомилась с начинающим художником, учившимся в «Репинке». Егор обладал магическими способностями, но не инициировался и учился, не используя свой особый дар. Я видела его картины, они были чудо как хороши. В них жила магия совершенно другого порядка — великая магия человеческого таланта, и этого было достаточно.

Женя и Егор быстро пришли к полному взаимопониманию, и их нежная дружба буквально через месяц перешла на следующую ступень. Подружка переехала к Егору, и некоторое время ребята пытались утаить шило в мешке — скрыть свое сожителство от всевидящего ока старшей Журавлевой. Я, как посвященная в тайну, тоже немножко поиграла в разведчика во вражеском тылу, но долго это не продлилось. Секрет вскоре был раскрыт, не помню даже, кто раскололся первым. Лена ужасно ругалась, обзывала Женьку малолетней

маньячкой, грозилась наябедничать родителям и увезти ее на Урал, к бабушке с дедушкой, постоянно проживавшим на лесной пасеке. Потом, познакомившись поближе с Егором, она сменила гнев на милость, но взяла с парочки торжественную клятву не участвовать в улучшении демографической ситуации в стране — по крайней мере в ближайшее время.

Клятва была принесена, и солнце вновь засияло над нашими головами.

Глядя на чужое счастье, я немного ему завидовала. На том зимнем балу я тоже обзавелась поклонниками. Их было трое, но поскольку я была равнодушна ко всем трем, то и встречалась, флиртовала и целовалась со всеми тремя. Все это проделывалось от скуки. Молодые люди, ухаживавшие за мной, были и хороши собой, и вроде неглупы, но я по-прежнему не чувствовала в их присутствии ничего особенного. Бабочки в животе не порхали, колени не подкашивались.

Я приставала к Женьке с вопросом, не пора ли мне посетить психотерапевта. Со специализацией на сексопатологии.

— Я иногда как подумаю, так мне страшно становится, — с серьезным лицом отвечала Женька.

— Чего тебе страшно становится?

— Мне кажется, Даня, когда ты наконец влюбишься по-настоящему, это будет такой ураган, который сметет тех несчастных, кто рядом окажется, с лица земли. Мне уже заранее хочется блиндаж вырыть.

— Мне бы влюбиться, — ныла я. — А уж там я об окружающих позабочусь. И чем тебе плохо? Будешь со своим Егором в темном уютном блиндажике, хорошо тебе будет...

— Ты на нас с Егорычем не заглядывайся, — отвечала рассудительная Женька. — Нам повезло случайно, как в лотерее. Шли себе, шли, никого не трогали, и вдруг сверху — бац! — любовь. Как кирпич. А тебя тоже где-то кто-то ждет. Кто-то особенный, кому ты предназначена. Ты лучше прекращай троим мужикам одновременно голову морочить. Вот они узнают друг про друга, и такая деревенская свадьба начнется — мордобитие, слезы, пьяные песни под гармошку...

— Не начнется, — беспечно говорила я. — Это вообще ничего не значит. Подумаешь, целовались-обнимались. Подумаешь, цветы-конфеты дарили. Я ведь замуж за них выйти не обещала.

— А это их волновать не будет, поверь, — зловеще предрекла подруга. — Скандалище выйдет грандиозный. — И уже другим, смущенным тоном она добавила: — Кстати, о свадьбе... Мы тут с Егорычем решили... Летом мне восемнадцать исполнится, можно будет заявление подать, а в конце августа и свадьбу сыграем.

— А-а-а-а! — завопила я. — Чур, я буду нести фату!

— Ты чего, Даня? Фату маленькие дети обычно несут. Знаешь, такие трогательные карапузы в нарядных платьицах и костюмчиках.

— Тогда я буду идти впереди вас маленькими шажочками и из корзиночки лепестки бросать — направо и налево!

— Дань, ты только не расстраивайся, но это тоже обычно трогательные карапузы делают.

— Жень, это ты не расстраивайся. Мне кажется, физически я сильнее трогательных карапузов и смогу отнять у них и фату, и корзиночку.

Мы веселились вовсю и строили радужные планы на будущее.

В конце марта, в тот день, когда в небе над Петербургом появилась комета Финлея,

пролетающая в опасной близости от Земли, Женька сняла с карточки всю свою наличность и потратила деньги в магазине оптики на дорогуший телескоп. Чек — измочаленный, смятый в комочек, — нашли у нее в кармане после. С этим телескопом она поднялась на последний этаж семиэтажки, где они с Егором снимали квартиру, и вылезла на крышу.

Снег уже подтаивал, кровля была скользкой; Женька не удержалась и, проехавшись как по горке, упала с края крыши вниз.

Злосчастный телескоп лежал, разбитый, в нескольких метрах от ее изломанного тела.

От неминуемой гибели Женю спасли ветви деревьев и Егор, в этот момент заходивший во двор. Егор был необученным и неиницированным магом. Рванувшись к падающей фигуре, он сумел только чуть-чуть затормозить падение.

Полученные Женей травмы были тяжелейшими, и она провалилась в бездонную кому.

Ни меня, ни Егора в палату не пустили. Только сестру и родителей, которые примчались с Урала.

Состоялся нерадостный разговор с врачами, которые высказывались осторожно и весьма обтекаемо, но некоторые пессимистичные намеки в их речи Журавлевы уловили.

Военно-медицинская академия, где лежала Женя, была бы, наверное, лучшим местом, куда мог попасть пациент с такими травмами, но не для ведьмы.

Для магов имелся другой вариант.

В специальном реанимационном автомобиле, который въехал прямо в чрево транспортного самолета, Женю переправили в Екатеринбург, где поместили в частный госпиталь. Это закрытое и нерекламируемое заведение, располагавшееся в пригороде, — одно из многих по всей планете, — принадлежало Тихой Империи и содержалось на взносы, которые регулярно делали все члены магического сообщества. Здесь оказывали специфическую медицинскую помощь пострадавшим магам. Длительное содержание пациента в магическом поле было делом дорогостоящим даже при наличии страховки, но завод, на котором работали Женины родители, взял на себя большую часть расходов.

Лена Журавлева оформила академический отпуск, получила расчет в «Кофейном Рае» и уехала на Урал.

— Устроилась в госпиталь, — рассказала она мне в аэропорту. — Буду там с другими магами поле поддерживать, а в свободное время рядом с Женькой сидеть. Врачи сказали, с ней разговаривать надо. Буду ей песни петь, сказки рассказывать, за руку держать — что угодно, лишь бы она в себя пришла.

Мы обнялись на прощание.

Я не выдержала и заплакала.

— Ничего, Даня, все будет хорошо. Мы, Журавлевы, живучие. — Лена улыбнулась мне, но глаза у нее были грустными. — Ты себя береги, видишь, какие дела непонятные делаются...

— Я приеду летом к вам, — пообещала я. — Как только экзамены сдам, так сразу и приеду. Тоже буду песни петь и сказки рассказывать. А может, к тому времени Женька проснется уже...

— Дай-то бог, — вздохнула Лена.

Это было первое настоящее несчастье, вошедшее в мою безоблачную доселе жизнь. Невероятная нелепость произошедшего не давала мне шансов примириться с действительностью. Только теперь я поняла, какими мелкими и незначительными были те неприятности, которые я раньше принимала за серьезные проблемы.

Я сразу же, коротко и безвозвратно, порвала со всеми тремя поклонниками. Как будто кто-то протер пыльное зеркало чистой ветошью, и в нем сразу же проступила вся глупость и жестокость моего поведения. Конечно же, при расставании я просила прощения и, конечно же, прощения не получила. Мне пришлось выслушать немало горьких и неприятных слов, но, как бы то ни было, три греха скатились с моей души.

Наверное, в эти печальные дни я была не особо контактна да и, наверное, не слишком приятна в общении, потому что остальные институтские приятельницы незаметно отошли в сторону, а я сама не стремилась заполнить образовавшуюся пустоту. Мне не нравилось, что все, недолго подивившись трагедии и поахав в виртуальных обсуждениях, вернулись к прежнему беззаботному существованию.

Умом я понимала, что так и должно быть — никто не обязан вечно ходить в трауре, тем более по однокурснице, — но сердце не пожелало это принять.

Какая-то странная неврастения завладела мной. Мне было тяжело поддерживать прежние отношения, и в то же время я стала как никогда бояться одиночества.

Я постаралась занять работой все вечера, взяв на себя Женькины смены. Это немедленно отразилось на успеваемости. Впервые в жизни я начала заваливать учебу, хотя все наши преподаватели в основном относились ко мне лояльно и сочувственно.

Почти каждый день в кофейню приходил Егор. Он заказывал чашку кофе и сидел над ней — сторбившись, молча, не пригубив ни капли — весь вечер.

Затем он провожал меня до дома. С единственной целью — поговорить о Женьке.

— Зачем, зачем она полезла на эту чертову крышу с этим чертовым телескопом в обнимку? — спрашивал он меня в который раз. — Она тебе что-нибудь говорила?

— Я понятия ни о чем не имела. Не понимаю, как могла эта дурацкая комета заинтересовать Женьку до такой степени, чтобы потратить такие деньги и полезть на крышу. Помню, что вроде да, болтали об этом как-то, но вскользь и давным-давно, когда проклятую комету только обнаружили. Тогда весь интернет об этом трубил. Как же, очередной конец света. Ну, поговорили и забыли. А с тобой она это обсуждала?

— Я даже не помню! — в отчаянии восклицал Егор. — Может, и говорили, а может, и нет. Но в последнее время — точно нет. И вообще странно, чтобы Женька потратила кучу денег на ненужную вещь. Она никогда, никогда не интересовалась астрономией до такой степени, зачем же она полезла на крышу?

Меня никак не оставляла в покое еще одна деталь. Кассовый чек из магазина оптики, смятый в комочек. Женья ведь была очень практична. У нее даже было заведено несколько подходящих коробок из «Икеи», куда складывались мелкие документы, рассортированные по видам: квитанции, чеки, гарантийные талоны. Когда мы перевозили Женькины пожитки из общежития на квартиру к Егору, мы также захватили с собой упаковки из-под электрического чайника и от утюга — только потому, что у этих приборов еще не кончился гарантийный срок. Как же она могла так наплевательски отнестись к финансовому документу на солидную сумму?

Я то и дело представляла себе, как Женька едет домой со злосчастливым прибором и мнет, мнет, мнет в кармане чек на покупку. Было что-то в этой картине такое, от чего у меня

по коже бежал озноб.

Я даже съездила в тот магазин оптики, чтобы поговорить с продавцом, оформлявшим злополучную покупку. Но выяснилось, что тот сотрудник накануне уволился и покинул город, не оставив нового адреса.

А вскоре и Егор пришел в кофейню в последний раз.

— Я отчислился, — хмуро сообщил он. — Переезжаю в Москву, в Академию Госмагии. Начну с нуля. Меня еще в семнадцать лет туда записали, но я рисовать хотел, поэтому и не стал поступать.

— А как же ты увернулся? — Я вспомнила свой кувшин с чаем из оленьей травы.

— У меня дядька в Мадриде служит. Он связи поднял и «отмазал» меня.

— А зачем же ты теперь?.. — спросила я, уже догадываясь зачем.

— Если бы я в свое время не отказался от изучения магии, я бы мог спасти Женю. А магия моя никому помочь не сможет. Может быть, это судьба меня наказала — за дезертирство.

— Наверное, ты прав, — сказала я. — Сама недавно думала, что надо было в Академию идти, на медицинский. С моим уровнем меня куда хочешь приняли бы. А я тоже дезертировала. Но ты-то, ты художник от Бога, знай, что картины твои чудесные. Не бросай это дело. Ты же сможешь рисовать просто так, для души?

— Не знаю. Может, когда-нибудь и смогу, — помолчав, вяло отозвался Егор. — Сейчас не хочется. Ничего не хочется. Я дела улажу и к Жене на лето уеду. Увидимся. — И с этими словами он исчез из моей жизни тоже.

Я осталась совсем одна.

Снежинка, как всякий фамильяр, остро чувствовала подавленное настроение хозяйки и большей частью спала, свернувшись в клубочек. Я была глубоко благодарна ей за то, что она не приставала ко мне с соболезнованиями и не знакомила меня с оптимистичными историями из Катнета, как делала обычно, когда я была не в духе из-за каких-то пустяков.

Я наконец-то взяла себя в руки и смогла рассказать маме о несчастье с Женькой. Раньше мне до такой степени не хотелось говорить об этом, что, когда мама передавала приветы Жене, я бодро отвечала: «Ага, передам». А Женька в это время уже лежала в гипсовом коконе, опутанная проводами и трубками, с мертвым белым лицом, недвижимая и безмолвная.

Мама ужаснулась известию, но с отчаяньем в голосе торопливо сказала, что никак не может приехать ко мне в Петербург.

— Прости меня, Данечка, прости, но мне сейчас обязательно надо быть в Оленегорске. Как только все разрешится, я сразу же примчусь. Нам давно уже надо повидаться.

— Проблемы в библиотеке?

Мамины слова удивили меня.

Я знала всех маминых подопечных в спецхране. Фолианты ей достались сложные, в большинстве из них заключалась скорее темная магия, чем светлая, но мама уже давно нашла общий язык даже с самыми сложными объектами, и в Оленегорском хранилище уже несколько лет царили тишь да гладь.

Мама немного замаялась.

— Нет, Дань, у папы... сложности. Ничего серьезного, но ему нужна моя помощь. Продержись немного, зайка, скоро увидимся.

Ничего себе «ничего серьезного», подумала я. Что же это за сложности, если папе

нужна мамина магическая помощь? То, что мама нужна папе именно как ведьма, я поняла по тому факту, что она не бросила сразу все дела и не прилетела утешать меня и отвлекать от грустных дум.

Только проблемы на Заводе могли удержать маму в Оленегорске. Неполомки в особом цеху могли быть такими, что вся долина имела шанс взлететь на воздух. Производство магического оружия — непростой и опасный процесс.

И, конечно же, я никак не могла узнать подробности — не телефонный был разговор. И не интернетный. Предприятие хоть и находилось в частных руках, но служило интересам Империи, выполняло государственные заказы и по сути дела было засекреченным.

Умение держать язык за зубами относительно папиной работы прививали мне с детства. На прощание мама попросила меня не замыкаться в себе и побольше общаться с людьми.

Я, придав голосу убедительности, произнесла:

— Мам, не беспокойся, со мной все будет в порядке. Жизнь продолжается, я знаю.

— Общение лечит, — сказала мама. — Даже если тебе поначалу тяжело будет, все равно, Данечка, разговаривай с людьми — хоть бы и через силу, прошу тебя.

— У меня много друзей, — сказала я уверенным тоном. — Все в порядке.

Первый раз я соврала маме. Ничего не было в порядке.

Я разогнала всех, кто мог бы вывести меня из болезненного состояния.

Маленький уютный мирок разрушился, я в прострации сидела на развалинах и не желала их покидать.

Истаяли черные кружева последнего снега, и на улицы Петербурга пришло весеннее тепло. Даже городской воздух, к грубым запахам которого я долго привыкала, стал будто бы нежнее и мягче. Легкая желтая дымка плыла среди деревьев, и с каждым солнечным днем она становилась зеленой и гуще.

В восьмом часу утра, в первый день майских праздников я сидела за столиком «Кофейного Рая» в ожидании посетителей, а пока никого не было, пользовалась свободным временем и читала учебник магической латыни, взятый в институтской библиотеке.

В столь ранний час в зале кофейни находились лишь я и новый бариста Эдик, занявший место Лены. Эдик тоже был студентом-магом. Он, нацепив наушники и поставив ноутбук на нижний прилавок стойки, самозабвенно сражался в какой-то шибко волнительной компьютерной игре. Со стороны барной стойки периодически доносилось «Ах, ты ж!..», «Ох, ты ж!..» и «Нате вам, получайте, гады!».

На кухне гремела противнями наша стряпуха, Нина Семеновна, по залу плыл приятный аромат свежей выпечки, восклицания были слегка невнятны и перемежались чавканьем — первая пара пирожков уже исчезала в ненасытном Эдике.

Из колонок звучал негромкий джаз с прозрачными трелями верхних фортепианных нот. Нотки легкомысленно стремились к небу, но их уравновешивал рассудительный басок контрабаса.

Утреннее солнышко заглядывало в каждый уголок кофейни, и я с удовлетворением отмечала, что стыдиться нам нечего: темные доски пола сияли, клетчатые скатерти были свежими. На каждом столе стояла вазочка с цветком, и заклинивание неувядания было выполнено аккуратно и надежно — я сама накладывала его позавчера. Куда ни помотришь — ни пылинки, ни соринки. Мне вспомнился рассказ Хемингуэя, где один старик приходил в

кафе и подолгу там сидел, потому что там было «чисто и светло».

Эта вещь так и называлась — «Там, где чисто, светло», и у нас было в точности так.

Учебник мне попался старенький, апатичный, и библиотекарь Лина Давыдовна, выдавая его, даже извинилась.

— Прости, Данюша, что подсовываю тебе такой... — она покосилась на книгу и продолжила, — ...раритет, но уж кто-кто, а ты с ним справишься.

Поначалу буквы были бледными, местами даже совсем исчезали. Но я пошептала учебнику ласковые слова, погладила по потрепанной обложке, осторожно расправила заломленные уголки страниц и устроила книгу так, чтобы раскрытые страницы смогли погреться в утренних лучах. Постепенно от поглаживаний и воркований мой старикашечка оттаял, взбодрился и даже помог с объяснениями в одном сложном правиле. Красивый старинный шрифт стал четче, а на пустых доселе страницах обнаружились недурные гравюры.

Вот и славно, мастерство не пропьешь, довольно подумала я, поглаживая хрупкие листы. Впервые за последнее время я почувствовала что-то вроде спокойствия.

Сердечная боль нерешительно качнулась и сделала шаг назад.

Тонко прозвенел колокольчик. Какая-то ранняя птичка уже впорхнула в наше заведение в поисках кофеина и хорошего настроения.

Раньше, принимая заказ у посетителя, я, в отличие от своих коллег, никогда ничего не записывала. Это была моя фишка, невинное хвастовство идеальной памятью. После несчастья вдруг обнаружилось, что слова перестали послушно укладываться в аккуратные стопочки, а вместо этого разбредались в разные стороны, как стадо непокорных коз. Пришлось завести блокнот, такой же, как у остальных официанток.

В этот день мне впервые захотелось вновь испытать свою память.

Не доставая блокнота, я подошла к посетителю, занявшему место у окна.

Блондин в голубом пуловере, повесив джинсовую куртку на вешалку и пристроив объемистый рюкзак на соседнем стуле, изучал меню.

— Доброе утро, — поздоровалась я. — Может быть, сразу кофе? Сегодня у нас до десяти утра...

Он поднял голову, и я запнулась.

Это был тот самый Мартин из нашего института. Прибалтийская звезда, о которой ходило столько невероятных слухов.

Голубоглазый, золотоволосый, потрясающий.

— Привет! Действительно, давайте сразу кофе. — Улыбаясь, он спросил, с этим своим невероятным акцентом: — И что мне будет за то, что я пришел раньше всех?

— Двадцатипроцентная скидка на эспрессо и капучино. До десяти утра, — несколько скованно ответила я.

Дружелюбный, но пристальный взгляд голубых глаз слегка смущал меня. К тому же вдруг вспомнились Женькины предупреждения.

Но не могла же я отказать посетителю в обслуживании из-за мутных слухов — мол, ходят тут всякие, а потом Тургеневы из могил пропадают.

— Пусть будет капучино — сто лет не пил. И кружка пусть будет огромной, — продолжил Мартин, по-прежнему улыбаясь. — У вас есть огромные кружки?

— Разумеется. Есть огромные стандартные... — я показала на стойку, где, подвешенная к держателям, сверкала белоснежная посуда. — А есть и такие... — Я повернулась в другую

сторону и указала ему на старый буфет, притулившийся рядом с барной стойкой.

Там, за застекленными дверцами, стояли кружки, чашки, бокалы — разнообразнейших размеров, цветов и форм.

— Что предпочтете? Стандарт или индивидуальность?

— Только отсюда! — Он кивнул на буфет. — Я и сам большая индивидуальность.

Не сомневаюсь, подумала я.

— Тогда выбирайте. Но только не с верхней полки.

— А что на верхней полке?

— Там чашки постоянных посетителей. У каждого своя. Это у нас бонус такой, для тех, кого мы давно знаем.

— М-м-м... Я тоже хочу такой бонус, — мечтательно сказал Мартин, но смотрел он при этом не на буфет, а на меня. И что-то такое было в его взгляде, отчего мне померещилось: не про чашки он говорит.

Сердце вдруг екнуло, и руки задрожали.

Так, Даня, кончай дурить, строго приказала я себе. Как ты ему кофе подавать собираешься, трясущимися-то руками?

Я подсобралась и вежливо улыбнулась краешками губ.

— Это еще надо заслужить.

Пусть тоже подумает, про чашки ли я говорю.

Мартин сделался подчеркнуто серьезен.

— Я заслужу, — торжественно пообещал он, приложив руку к сердцу.

Его глаза смеялись.

Потрясающие глаза.

Глупое сердце снова трепыхнулось.

— Дерзайте, — сказала я безразлично. — Но давайте вернемся к капучино. Выбирайте свою огромную кружку. Любую. Но не советую брать вон ту, самую большую.

— Потому что она больше похожа на ведро?

— Потому что ведро капучино в нашем «Рае» обойдется вам в целое состояние.

— А как же двадцатипроцентная скидка до десяти утра? — с комичной наивностью приподнял брови Мартин.

— Не поможет, — я зловеще понизила голос.

Мартин понимающе хмыкнул.

— Тогда я хочу вон ту, с Венецией. Она классная.

— Согласна. Мне тоже нравится.

Еще бы не нравилась. Я сама привезла ее из Италии несколько лет назад, когда мы с мамой летали туда на весенних каникулах. Когда Лена придумала эту фишку с личными кружками, мне тоже захотелось внести свою лепту. Я поскребла по сусекам, наткнулась на этот сувенир и отнесла его сюда. Посуды у меня и так было больше, чем нужно, и к тому же хотелось знать, кто выберет мою кружку.

Вот и узнала. Кто бы мог подумать.

Я достала кружку из буфета и передала Эдику заказ. Потом отнесла готовый кофе Мартину.

Тот снова углубился в меню.

— Я жду друзей, — заметил он. — Мы договорились здесь встретиться.

Вспышкой в мозгу мелькнула картина: Мартин, распростертый на постели, и девицы

рядом с ним. Знаем, каких друзей ты ждешь, подумала я, и настроение сразу почему-то испортилось. Мой голос стал холоден, как вчерашняя зола.

— Превосходно. Ваши друзья — наши друзья. Если они успеют до десяти утра, то тоже получают двадцатипроцентную скидку.

Некоторое время Мартин смотрел на меня озадаченно, потом вдруг нерешительно произнес:

— Послушай, Данимира... ничего, что я на «ты»?..

— Да пожалуйста, — я лихорадочно пыталась понять, откуда он знает мое имя. Потом вспомнила про бейдж, приколотый к фартуку, и обозвала себя идиоткой.

— Ты извини, но мне твое лицо кажется знакомым. Мы не могли где-то уже встречаться?

Надо же. Не думала, что он мог меня запомнить.

— Я учусь в Смольном институте, — кратко пояснила я.

— Точно! А я-то голову сломал, все думал, откуда я тебя знаю! — Мартин засиял. — Ты та самая красавица, которую я чуть не зашиб в подвале!

Несмотря на явное преувеличение, «красавица» мне понравилась.

— Хорошая зрительная память, — сказала я потеплевшим голосом.

— Не только зрительная. Я ведь и имя твое откуда-то помню. Редкое имя. И красивое, как и его хозяйка.

А говорят, прибалты медлительные, мелькнуло в голове. Что-то не похоже. Тут у нас скорее римлянин. *Veni, vidi, vici*.

Впрочем, этот прямолинейный комплимент, вместо того чтобы добавить мне смущения, странным образом успокоил меня. Если бы ты знал, дружок, подумала я, сколько раз за год девушка с моим именем может слышать такие слова. Должно быть, банальности интернациональны.

Мартин хотел еще что-то добавить, но тут зазвенел колокольчик у входа, и в зале появились Мартиновы подружки.

Насколько же их поведение отличалось от того, что я привыкла наблюдать в стенах института! Невероятная вещь: они смеялись! Да и одеты были во что-то разноцветное и жизнерадостное, отчего напоминали теперь не черный ковен, а стайку колибри.

Мартин помахал им, и они подошли к нам.

Каждая приложилась символическим поцелуем к щеке Мартина.

Я зорко следила за поцелуями — меня разбирало любопытство.

Выглядело все вполне невинно.

Девушки разместились за столом.

— Пойду принесу еще меню, — сказала я.

— Подожди, — Мартин встал и удержал меня за руку. Пальцы у него были сухие, теплые и сильные. — Это Данимира, — представил меня он. — Она тоже учится в Смольном, вы должны ее помнить. Я, представьте, чуть голову не сломал: лицо вроде знакомое, а почему знакомое — вспомнить не могу. А это Ксения, Ангелина, Анна и Людмила.

— О-о-о... — протянула вдруг московская красавица Ксения. — Я вспомнила... Это же твоя подруга недавно с крыши упала?

Я немедленно ошетибилась и хотела ответить, что это не их дело, но внезапно увидела на лицах, обращенных ко мне, сочувствие и жалость, и удержала резкие слова, готовые сорваться с языка.

— Такой ужас, — тихо сказала Ксения. — Сестра твоей подруги с нами учится. Мы все были в шоке.

— Как жаль! Такая молоденькая! — сказала Анна.

— Бедная, бедная, — сказала Людмила.

Я почувствовала, что еще немного — и выступят слезы.

— Ей бы еще жить и жить, — сказала Ангелина и шмыгнула носом.

Прозвучало фальшиво.

— Вообще-то Женя еще жива, — сказала я, высвободила руку, развернулась и пошла за еще одним меню.

Позади раздались укоризненные возгласы и шиканье — Ангелине пеняли на недостаток такта.

Какая-то эта Геля неприятная, думалось мне. И, кстати, я заметила на ней магическую вуаль. Да такую мощную, что если бы эта вуаль была макияжем, то получилось бы похоже на театральный грим — нарочито яркий и грубый. Не то чтобы я могла осуждать Ангелину за это — я и сама сегодня, торопясь на работу, привела в порядок волосы с помощью магии. Но все же такое интенсивное наложение волшбы на внешность невольно показалось мне вульгарным. Тут же я вспомнила мамин рассказ о том, как она в юности была вынуждена использовать такие же уловки, и устыдилась своей темной стороны.

Аппетит у пятерки был хороший, несколько раз я курсировала туда-сюда и заставила тарелками весь стол. К этому времени зашло еще несколько посетителей, и освободилась я не скоро.

Когда я наконец вернулась на свое место, то увидела, что страницы учебника пусты. Раньше текст был бледным, а теперь и вовсе исчез, будто его корова языком слизнула.

— Ну-ну, будет капризничать... — укоризненно сказала я и положила ладони на раскрытые листы.

Под ладонями зажгло.

Я отдернула руки и с изумлением увидела, что там, где я прикасалась к бумаге, проступили маленькие огненные буквы. Сначала буквы носились по пустой поверхности хаотически, напоминая потревоженных муравьев, но потом замедлились, сгруппировались и выстроились в слова.

«*Fuge, tace, late*», — многократно повторялось на странице.

Беги, умолкни, затаись...

«Беги, беги, беги, беги, беги...» — кричали мне огненные червячки, корчившиеся от собственного жара.

Бумага начала тлеть, я поспешно захлопнула учебник.

Сбрендил совсем мой старичок, грустно подумала я. А ведь сперва казалось, что прослужит еще не один десяток лет... Не надо было оставлять его открытым на солнце. Наверное, перегрелся. Ну, ничего, может, отдохнет и еще придет в норму.

Мимоходом я поразмыслила, не связано ли то, что сейчас произошло, с появлением в «Кофейном Рае» Мартина и его подружек. Кто их знает, маловероятно, но вдруг они и вправду балуются запретной магией? Но уж кто-кто, а я совершенно не собиралась переходить им дорогу. Я человек мирный, неконфликтный и в случае возникновения каких-либо разногласий всегда готова пойти на уступки. Единственная вещь, которая могла подставить меня под угрозу, — это то обстоятельство, что кровь ведьмы-девственницы была весьма распространенным ингредиентом для черных ритуалов. Но и тут я не увидела

опасности. Если я не ошибалась в прочтении ауры, в случае нужды у них под рукой был свой донор в лице неприятной Ангелины.

На самых задворках сознания пряталась еще одна мысль, пока скромная и не позволяющая себе вылезти вперед. Мне почему-то показалось, что Мартину моя девственная кровь даром не сдалась.

Или действительно показалось?

Об этом я, согласно классическому правилу, решила подумать завтра.

— Кхм-кхм... — раздалось прямо над ухом, и я вздрогнула. — Напугал? — спросил Мартин, обнаруживаясь за левым плечом.

— Немного. Я просто задумалась.

— У меня к тебе дело. Ты завтра не занята?

Не знаю, что бы я ответила, если бы располагала временем поразмыслить, но на вопрос, заданный внезапно и в лоб, я не могла ответить ничего, кроме правды.

[Купить полную версию книги](#)